

БИБЛИОТЕКА „ПУТИ НОВОЙ ШКОЛЫ“.

Выпуск 2-й.

К. Н. Вентцель.

ДОМ СВОБОДНОГО РЕБЕНКА.

(КАК СОЗДАТЬ СВОБОДНУЮ ШКОЛУ).

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“.
Москва—1923.

Главлит. 3003.

Москва.

Тир. 2000 экз.

Типография „ЦУСТРАН“, Серебряническая наб., д. 23а.

Предисловие ко второму изданию.

Второе издание настоящей книги существенным образом разнится от первого. Хотя первоначальный текст книги и остался неприкосновенным во всех своих частях, но он значительно дополнен, и кроме того, книга разбита на ряд глав, чтобы дать возможность лучше ориентироваться читателю. Дополнения сделаны мною в видах большего уяснения тех идей, защитником которых я являюсь. Дополнения эти тем более являлись неизбежными, что мне многократно пришлось натолкнуться или на полное или на частичное непонимание моих идей,—непонимание, которое во многих случаях имело своим источником столь распространенное неумение читать книги, при чем автору книги часто приписывают мнения совершенно противоположные тем, которые он высказывает. К сожалению, мне не пришлось встретить в литературе подробной, обстоятельной и научной критики моих воззрений. Такая критика дала бы возможность легче мне самому распознать свои слабые стороны, уяснила бы мне пункты, на которые я должен был бы обратить особенно усиленное внимание, и тогда, весьма вероятно, второе издание этой книги было бы иным, чем каким оно является теперь. Быть может, этому второму изданию более посчастливится, чем первому, и я спешу прибавить, что всякая серьезная критика, откуда бы она ни исходила, от педагогов ли, родителей или кого-либо другого, мне представляется в высшей степени желательной. Я не боюсь ее, а напротив того, вижу в ней лучшую проверку своих идей, тот способ, путем которого можно лучше всего убедиться в их истинности или ложности. Одного я только желаю, чтобы как мои будущие возможные критики, так и те мои читатели, которые придают, развиваемым мною мыслям, серьезное значение, сопоставили эти мысли с теми, которые я развивал в других своих статьях, посвященных вопросам нравствен-

ности и нравственного воспитания, которые были напечатаны в прежние годы в разных педагогических журналах. Из этих статей особенное значение имеют две: «Основные задачи нравственного воспитания» (напечатана в «Вестнике Воспитания» за 1896 г. в № 2; вышла также в небольшом количестве экземпляров отдельным изданием) и «Среда, как фактор нравственного воспитания» (помещена в «Образовании» за 1900 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6). Обе эти статьи служат как бы естественным дополнением к настоящей книге ¹⁾. И то о чем я, быть может, кратко, упоминаю здесь, развито более подробно и основательно там. Из чтения этих статей и в особенности последней из них читатель вместе с тем может убедиться, что мысли, развиваемые в этой книге, рисовались мне, хотя в неясной и смутной форме, уже давно и что в ней приняло только более отчетливую и выпуклую форму то, что всегда служило для меня руководящим началом. Я всегда в своей литературной работе стремился ее пут и цепей и, в конце-концов, неумолимую логику мысли был приведен к глубокому сознанию той первостепенной роли, которая в этом деле освобождения принадлежит освобождению ребенка. К этому святому делу освобождения ребенка мне и хотелось бы привлечь как можно больше людей, и если моя книжка найдет еще хотя несколько союзников для этого дела, я буду чувствовать самое полное удовлетворение за тот труд, который пришлось на нее потратить. А если она вместе с тем вызовет и желание попытаться на практике осуществить развиваемые в ней идеи, с какой бы затратой материальных средств и сил физических и духовных это ни было сопряжено, то лучше этого мне ничего не останется и желать.

К. Н. Венцель.

Москва, 29 октября 1907 г.

¹⁾ Обе названные статьи в исправленном и дополненном виде вошли в мою книгу „Этика и педагогика творческой личности“.

Предисловие к третьему изданию.

Настоящее издание ничем существенным не различается от второго потому, что уже и при втором издании моя книга была в достаточной мере переработана и расширена, и потому, что дальнейшее развитие те же мысли получили в другой моей книге «Новые пути воспитания и образования детей», в статье «Идеальная школа будущего и способы ее осуществления». Хотя настоящая книга писалась в 1906 году, а второе ее издание вышло в 1908 году, т.-е. еще при монархическом режиме, почти за десять лет до той политической и социальной революции, которую нам пришлось пережить, однако, мысли, высказанные в ней и поныне сохраняют свое значение и требуют возможно скорейшего своего осуществления. Свободная трудовая школа все еще витает перед нами, как идеал, как задание, которое ждет тех работников, которые стояли бы на высоте его реализации, и той атмосферы спокойного творческого труда, которая позволяла бы этим работникам плодотворно работать над ее реализацией. С большим удовлетворением приходится отметить, что влияние тех идей, сторонником которых я являюсь и которые нашли себе выражение в этой книге, сказалось на первых же шагах деятельности Советского правительства по народному образованию. Статья 12-я «Положения об единой школе» навсегда останется одним из великих памятников Советского законодательства. Согласно этой статье «основой школьной жизни должен служить производительный труд, но не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только, как метод преподавания, но именно, как производительный общественно-необходимый труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь. Постоянно осложняясь и выходя за пределы непосредственной обстановки детской жизни, производительный труд должен знакомить детей с самыми раз-

нообразными формами производства, вплоть до самых высших». А в примечаниях к этой статье говорится, что «трудовое начало станет мощным педагогическим средством в том только случае, если труд в школе будет творчески-радостным, свободным от приемов насилия над личностью учащегося» и что «старая форма дисциплины, сковывшая всю жизнь школы и свободное развитие личности ребенка, не может иметь места в школе труда», но что «сами трудовые процессы будут воспитывать в детях ту внутреннюю дисциплину, без которой не мыслим рационально поставленный коллективный труд». Разве защите этих мыслей не была посвящена моя книга еще задолго до того, когда они вошли составным элементом в законодательный акт? Не менее ярко влияние тех идей, которые защищаются в этой книге, сказалось и на полу-официальном представителе и пропагандисте руководящих начал, принятых Нар. Ком. по просвещению, в начале его школьного строительства, П. П. Блонском. Вся первая часть его книги «Трудовая школа» представляет ничто иное, как иллюстрацию к тому новому методу создания школы не только для детей, но при самом деятельном творческом участии самих детей, о котором я говорю в своей книге. И как не отмахивается и не отгораживается П. Блонский от идей свободного воспитания, он все же недалеко ушел от них и всецело находится под их влиянием.

Практическая попытка, хотя бы частично, осуществить те идеи, которые изложены в этой книге, была сделана в 1906—1908 гг. в Москве. Подробные сведения о ней можно получить из вышедшей в свое время книги «В поисках новых путей для воспитания и образования» (из жизни и работ некоторых русских опытных школ) (вып. VII серии изданий «Библ. Св. Воспит. и Образования детей», под заглавием «Передовые школы и воспитательные учреждения Европы и Америки»). Надо надеяться, что в будущем опыт создания новой свободной трудовой школы пойдет в более широком масштабе и с более положительными результатами.

К. Н. Венцель.

Москва, 26 сентября 1922 г.

1. Новый метод создания свободной школы.

Кто из родителей, искренно и действительно озабоченных тем, чтобы дать своим детям истинное образование и чтобы воспитать из них настоящих свободных людей, людей, обладающих «свободной душой» и для которых невыносимо не только всякое внешнее, но и всякое внутреннее рабство, какие бы утонченные формы оно не принимало, людей, которые могли бы явиться творцами новой нарождающейся свободной России,—кто из родителей, одушевленных великой идеей подобного воспитания и образования, не стоял перед грозным и роковым вопросом: да где же найти такое воспитательное и образовательное учреждение, которое давало бы детям свободное воспитание и образование?

Родители, таких воспитательных и образовательных учреждений нет. Вы их тщетно будете искать в окружающей нас темной педагогической действительности. Даже те немногие лучшие школы, которые мы принимаем за лучи света в этом погруженном в густой мрак педагогическом царстве, при ближайшем рассмотрении оказываются одним миражем. Мы их принимали за оазис свободы, на них отдыхал наш глаз, там, казалось, мы найдем полное удовлетворение; но мы подошли ближе, и мираж разлетелся, и мнимый оазис свободы оказался все тою же измучившею нас пустынею рабства, и в нем мы опять лишены возможности напоить наших детей живительною водою истинного свободного образования. И наши дети опять томятся и мучатся тою же жаждой, и мы должны опять продолжать вместе с ними путь все по той же нескончаемой и беспредельной пустыне, чтобы снова быть обманутыми каким-нибудь иллюзорным оазисом.

И это будет до тех пор, пока родители будут искать подобных оазисов, пока они будут ждать спасения со стороны, свыше, пока они будут жить той мыслью, что кто-то должен создать для их детей свободную школу, а им оста-

нется только воспользоваться этим учреждением и отдать туда своих детей. И до тех пор, пока родителями не будет оставлен этот путь искания уже готовых, созданных чьими-то заботливыми руками, свободных образовательных и воспитательных учреждений, до тех пор свободная школа в настоящем, истинном значении этого слова и не народится и не возникнет.

Родители должны не искать уже готовых созданных учреждений подобного рода,—они должны сами создавать и творить их вместе со своими детьми, и для этой цели они должны создавать и образовывать свободные союзы более или менее широких размеров.

Только такой путь создания «новой», «свободной» школы, действительно, приведет к созданию «новой» и «свободной» школы; всякий же другой путь, какими бы благими намерениями ни были одушевлены инициаторы свободного образовательного учреждения, неизбежно, помимо воли самих инициаторов, собьется на старую рутинную дорожку и поведет к тому, что и тот ограниченный дух свободы, которым учебное заведение было проникнуто первоначально, начнет понемногу выдыхаться и испаряться, и новое свободное учебное заведение станет самою заурядною несвободною школою старого типа.

Ошибка, и роковая ошибка, здесь заключается в том, что «новую», «свободную» школу хотят создавать старым, обычным, традиционным путем, «новое вино» хотят вливать в «старые меха», и это, в конце концов, неизбежно оказывается губительным для задуманного предприятия.

В самом деле, припомните, как обыкновенно возникает то образцовое воспитательное и образовательное учреждение, которое мы считаем педагогическим оазисом и в которое спешим поскорее отдать наших детей. Обыкновенно такого рода заведение возникает таким образом. Является одно или несколько лиц в качестве учредителей. Эти лица разрабатывают подробно проект школы, план занятий в ней, программы и т. д., затем нанимается подходящее помещение для школы, приглашается определенный контингент учителей по тем или другим учебным предметам проходимого в школе курса, и только уже в заключение появляются на сцене дети, которых родители отдают в эту школу.

Так создавались до сих пор все школы, какой бы характер они не носили, но подобный метод создания школ стоит в резком противоречии с духом той новой свободной школы, о которой мечтает современное человечество.

Существующий метод создания школ есть метод извращенный; он перевертывает естественный порядок, и в этом смысле есть метод, который стоит в резком противоречии с принципом свободы. То, что должно быть в конце дела, здесь является в начале, тогда как то, что, естественно, должно бы быть в самом начале, с чего надо исходить, то появляется только в конце. Еще нет на лицо детей, а уже создается школа с самыми подробными планами, программами, с самой детально разработанной сметой, с твердо установленным комплектом учителей. Жизнь школы скована с самого начала, с самого начала заключена в железные рамки. Какая же это будет свободная жизнь, когда на нее надеты цепи! Какие же это будут свободные дети, когда школа, не зная еще их индивидуальной природы, позаботилась уже создать те формы, по которым пойдет, как по рельсам, их мнимо свободное духовное развитие.

Нельзя безнаказанно нарушать естественного порядка вещей, и ложный метод создания свободной школы в конце концов мстит ее устроителям и раскрывает и обнаруживает их фальшивые карты. Мнимая свобода, в очень скором времени, становится явным рабством.

Новая свободная школа должна в своем создании идти новым естественным, свободным путем, тогда ее рост и развитие будут обеспечены и она не будет терпеть неудачи, а, наоборот, пышно и богато развернется.

Каков же этот новый, естественный путь создания свободной школы?

Этот путь является полной антигезою старого пути. Старая несвободная школа создавалась для детей, как нечто вполне готовое, при чем дети в строительстве самой школы не принимали никакого творческого активного участия, между тем, как новая свободная школа не может быть создана без участия самих детей, и чем шире будет это участие, чем больше будет их активная творческая роль в строительстве самой школы, тем школа эта будет свободнее. Разница в методах понятна. Старая несвободная школа ставит своей целью закрепощение детей под власть учителей и воспитателей; она стремится быть местом формирования детей согласно тем или другим предвзятым идеям их учителей и воспитателей. Свободная же школа ставит своей задачей освобождение ребенка от этой крепостной зависимости. Понятно поэтому, что она стала бы в противоречие сама с собой и в основе своей представляла бы нечто двойственное, если бы она выступила по отношению к детям, как нечто вполне готовое и законченное. Свободная школа может создаваться только при участии са-

мих детей и чем более деятельном, тем лучше. Всякая же, вполне готовая школа уже тем самым, что она есть нечто готовое, что дается извне детям, а не приходит к ним также путем их собственной работы, собственной борьбы и усилий, есть, по одному этому, уже несвободная школа. В старой школе дети являлись в конце в уже готовую школу. В новой—дети фигурируют в самом начале, готовой школы нет, ее нужно еще только создать, и дети, вместе с родителями и всеми теми, кто принимает близко к сердцу их свободное физическое и духовное развитие, участвуют в создании, в творчестве этой школы, при чем эта школа создается не сразу, не вдруг, а долгим, медленным путем свободного, естественного, самопроизвольного, органического развития.

Школа, как живой организм, растет, развивается, изменяет свои формы и становится постепенно местом, все более совершенно удовлетворяющим естественные жизненные запросы своих воспитанников, местом, где их физическое и духовное развитие идет все более и более свободным путем, местом наиболее полной и наиболее радостной жизни для них, источником их вдохновения и воодушевления. А это все только и может быть в том случае, если дети участвуют сами в создании школы, если школа, в которой они учатся, есть школа *не только для них*, а есть, *вместе с тем, их школа*, их творение, плод также и их рук.

Тогда только она может стать для них чем-то бесконечно дорогим, заветным, тогда только она будет для них источником света, тогда только она будет их согревать, оживлять и одухотворять, и свет, который она даст, будет каждому из них тем светом, который будет светить всю жизнь. В противном случае, школа станет местом каторги, мучений, подъемного труда, неудовлетворенных душевных запросов, местом, из которого хотелось бы бежать без оглядки, местом, которое хотелось бы забыть, забыть навсегда. И таким местом, хотя бы и в смягченной форме, может стать самая лучшая школа, если только при своем создании и дальнейшем развитии она стала на тот ложный, извращенный путь, о котором мы говорили выше.

Только идя тем естественным свободным путем органического развития, только взяв за свою исходную точку детей, не детей вообще, а тот или другой определенный комплект детей, только привлекая самих детей к участию в творчестве и создании *своей* школы, школы для себя, новая свободная школа избегнет того подводного камня, о который может разбиться ее корабль с тем небольшим грузом сво-

боды, который на нем содержится, и потерпеть полное или частичное крушение.

Таким образом, мы неизбежно приходим к тому заключению, что новая свободная школа должна носить экспериментальный, опытный характер.

Ее формы не должны быть predeterminedены заранее, они должны развиваться опытом самой, естественно развертывающейся, жизни школы. Путем своего свободного, ничем не стесняемого, органического роста, путем наблюдения, опыта, эксперимента, школа будет как бы нащупывать те последовательные формы, которые она будет принимать в своем развитии.

Она будет остерегаться всякого ложного и фальшивого шага, который мог бы, с самого начала или впоследствии, сковать ее дальнейшую деятельность, она будет избегать наложения на самое себя каких бы то ни было цепей, которые могли бы стеснить ее свободное развитие и которые сбросить потом бывает всегда очень трудно.

Таким образом, в ней не будет первоначально никакой наперед установленной программы или плана учебных занятий, никакого заранее установленного разделения на классы, никакого даже наперед приглашенного постоянного учительского персонала. И истинная, настоящая, свободная действительно, школа первоначально должна быть таковой, т.-е. школой без программ, без классов, без постоянного контингента учителей. И такое беспрограммное и бесклассовое состояние свободная школа, если она в самом деле хочет осуществить действительную, а не мнимую свободу, в деле образования и воспитания детей должна принципиально признать за свою исходную точку.

Она принципиально должна признать себя местом, в котором нет ничего готового в смысле школы, в котором только собрались дети, чтобы в союзе с лицами, доброжелательно к ним относящимися и уважающими в них свободную человеческую личность, общими соединенными усилиями создавать свою школу, ту особенную школу, которая представляет нечто индивидуальное, своеобразное по отношению ко всякой другой, какой бы то ни было школе, потому что эта школа вполне строго и точно соответствует индивидуальным особенностям того своеобразного комплекса детей, который нашел в ней приют, потому что эта школа вполне вытекла из природы всех ее участников.

Единственное, о чем нужно позаботиться, так это о том, чтобы были налицо все условия, которые могли бы облегчить это свободное творчество собственной школы детьми и их ро-

дителями и вообще лицами, искренно любящими детей и желающими их свободного развития.

На этот пункт лица, берущие на себя инициативу в деле создания новой свободной школы, и должны будут направить свое особенное усиленное внимание, а не на то, чтобы дать что-либо вполне готовое, выработанное до самых последних деталей, нечто, что наложит узду на свободное творчество детей в деле школы, что введет это творчество в известные, наперед установленные рамки, что сыграет своего рода роль прокрустова ложа.

Долой все эти излишние стеснения, все эти ненужные рамки... Предоставьте жизни свободно и непринужденно развертываться! И особенно ведь нужна эта свобода в таком нежном, в таком сложном и деликатном деле, как дело воспитания и образования, где чрезмерная предусмотрительность, чрезмерная заботливость, чрезмерная регламентация рискует помешать нормальному развитию духа, задержать его естественный рост, направить его на ложный путь.

Чем меньше в этом случае мы делаем за детей и чем более предоставляем делать самим детям, тем лучше; чем больше они будут являться в этом деле, касающемся их самих, инициаторами и руководителями, а мы—их сотрудниками и помощниками, тем лучше. Чем полнее мы осуществим этот принцип создания самими детьми—только при нашем содействии, помощи, сотрудничестве—своей школы, тем совершеннее будет школа, тем она будет свободнее, тем больше обеспечен будет ее нормальный рост и развитие.

Родители и учителя,—я знаю,—мои слова вас заставят поморщиться. Вы слишком привыкли руководить, опекать, проявлять свою власть над детьми, вы слишком привыкли быть неограниченными самодержцами над детьми, вы настолько сжились, свыклись с этой властью, что даже самая мысль о малейшем ограничении ее вам представляется еретической, и некоторые из вас даже глубоко убеждены в том, что, если в области воспитания и образования будет свергнуто родительское и учительское самодержавие, то здесь воцарится ужасная анархия и дело воспитания и образования впадет в самое плачевное состояние. Вам трудно понять эту мысль, потому что вы жаждете власти и не хотите отказаться от нее. Но рано или поздно вам придется отказаться от нее: родительское и учительское самодержавие должно быть свергнуто. Свободы, больше свободы детям! Дайте дорогу детям! Встаньте, посторонитесь, расчистите им путь, вмешайтесь в их ряды, сняв с себя самодержавную корону и разбив жезл власти, и пойдите вместе с ними рука об руку в на-

правления к тем новым, неведомым странам и землям, которые они жаждут открыть и откроют наверное, когда вы перестанете, как это было до сих пор, мешать им отыскивать эти страны и земли. Сделайте это добровольно, если вы действительно любите ваших детей, если вы желаете, чтобы человечество скорее достигло идеального совершенного состояния. Сделайте это, наконец, хотя бы ради самих себя, потому что только тогда вы и узнаете настоящую истинную жизнь, настоящее полное, захватывающее счастье и радость, когда вы перестанете быть рабовладельцами детских душ, когда вы сойдете со своего трона, с пьедестала, на который вы возбрались, когда вы откажетесь от той неограниченной, абсолютной власти, которую вы себе присвоили в деле воспитания и образования.

Но, я все-таки надеюсь, что найдутся среди вас такие, — я не знаю, как много, которые поймут все величие, всю красоту этой идеи свободного детства и которые приложат все усилия к тому, чтобы воплотить эту идею в жизнь, чтобы достигнуть реального осуществления такой школы, которая была бы продуктом свободного творчества детей, при дружеском, равноправном содействии им в этом со стороны взрослых. Но те, которые вступят на этот путь, вместе с тем должны помнить, что они пустились в открытое море, что здесь нет проложенных дорог, что метод создания новой, свободной школы принципиально отрицает всякие проложенные дороги, всякие избитые пути, всякие шаблоны, что это — путь великого творчества, путь инициативы, что надо быть готовым к встрече всяких препятствий и подводных камней и к громадному напряжению сил, чтобы преодолеть эти последние, что здесь будут и неудачи, и разочарования и, тем не менее, надо будет неутомимо двигаться в направлении к цели. Цель может быть достигнута, и цель должна быть достигнута. И это есть одновременно ответ на упрек тех, которые могли бы сказать нам, что мы не даем ничего определенного, что свободная школа, о которой мы говорим, слишком туманна в своих очертаниях; им мы ответим: «Давайте осуществлять ее, и она получит определенные очертания и формы, и тот туман, который царит в этой области, рассеется и уступит место ясному дню».

II. Что такое «Дом Свободного Ребенка»? — Творческое участие детей в его создании.

Но, как, с чего начать, как приступить к этому делу, как найти ту естественную форму, которая послужила бы исходной точкой, тем зерном, из которого могла бы вырасти свободная школа, о которой мы говорили выше?

Зерном подобной школы является ассоциация родителей, которые соединяются для того, чтобы соединить вместе своих детей и помочь им в деле создания такой школы, в которой они могли бы свободно развиваться физически и духовно в том направлении, которое определяется их индивидуальной природой.

Родители берут на себя инициативу в смысле соединения детей в одном месте. Но это место, в которое они собирают детей, еще не есть школа. Здесь школа только должна родиться и надо только позаботиться о том, чтобы для свободного рождения школы были в данном месте в наличии все необходимые условия.

Таким образом, как мы видим, в деле создания свободной школы надо начинать не со школы, а с чего-то другого, надо начинать с такого учреждения, которое по своим задачам далеко выходило бы за пределы школы, в собственном смысле слова; надо начинать с такого учреждения, которое, будучи чем-то больше, чем просто школа, заключало бы в самом себе в наличии все необходимые условия для свободного естественного рождения в недрах своих свободной школы. Надо создать, одним словом, для ребенка не место ученья, а место полной и всесторонней жизни, в которой то, что соединяется со словом ученье, составляет только одну составную часть, появляющуюся на сцену только тогда, когда в ней назреет надобность и когда она естественно вытечет из запросов жизни самого ребенка. И те формы, которые примет это свободное ученье, могут быть в высшей степени сложны и многообразны.

Что же это будет за учреждение? Как мы назовем его?

Это будет, прежде всего, место, придя в которое, дети могли бы бегать, играть, шалить, резвиться, где бы могли они заниматься тем или другим видом производительного творческого труда, соответствующего их вкусам, наклонностям, физическому и духовному развитию, где бы они могли искренно и непринужденно беседовать между собой и со взрослыми, которые находятся там и которые находят удовольствие в общении с детьми, которые рады ответить на те вопросы, какие им задают дети, от которых дети могут рассчитывать найти сочувственный отклик на все волнующие их духовные запросы, помощь, совет, поддержку,—одним словом, это будет место наиболее радостной и наиболее полной жизни для детей. Может быть, это место будет небольшой комнатой, а может быть, удастся предоставить в распоряжение детей целый дом,—все будет зависеть от размеров ассоциации родителей, от количества материальных и иных средств и от количества самих детей. Как бы там ни было, это место, этот дом (быть может, комната, быть может, квартира) не будет школой, как я сказал это уже выше, и если нужно его назвать и отличить как-нибудь от школы и других аналогичных учреждений, то назовем его: «Домом Свободного Ребенка», или «Домом жизни, творческой работы и игры».

Вот с создания подобного «Дома жизни, творческой работы и игры» и следует начинать, и этот дом, это место и явятся рассадником и местом создания свободных школ: внутри него будет возникать целый ряд самых разнообразных по своим формам и по своим размерам свободных школ, и сам он в конце концов естественно разовьется в свободную широкую школу жизни, в которой учатся не только сами дети, но и родители, и учителя, в которой все—и маленькие, и взрослые—становятся выше, чище, лучше, богаче в духовном отношении, в котором все развиваются и поднимаются ко все более высоким степеням духовного совершенства.

Здесь, в различных комнатах, которые будут являться не классами, а мастерскими, найдут себе место самые разнообразные виды производительного труда, которые всегда интересуют ребенка, всегда понятны ему, которыми он всегда готов с охотой и без принуждения заняться, так как они дают приложение для той глубокой потребности к творчеству, к созданию чего-нибудь, которая дремлет в каждом ребенке и которая могла бы принести роскошные плоды, если бы ее не глушили обыкновенно таким безжалостным образом. В одной из этих комнат дети столярничают, в другой они

занимаются переплетным мастерством, третья представляет, быть может, целую маленькую фабрику детских игрушек. Там дети строят модели различных машин, построек, различных простейших физических и механических приборов, в другом месте они занимаются фотографией, типографским делом, паянием, быть может, производством различных предметов потребления.

Я не берусь перечислить все те возможные виды производительного труда и производств, которые здесь могли бы найти место, конечно, не в таком громадном масштабе и не с такими усовершенствованными машинами, как это происходит на фабрике или заводе. Да это и не имеет здесь значения. Но все эти различные производства имели когда-нибудь свои элементарные простейшие формы, с самыми несамостоятельными приспособлениями, из которых только впоследствии выросли те сложные манипуляции и те грандиозные машины, которыми в них в настоящее время пользуются. И вот в этих простейших элементарных формах они могут быть доступны детям и могут быть в большем или меньшем масштабе организованы для детей, поскольку у них возникнет интерес в данном направлении.

Я перечислил различные комнаты, где дети будут заниматься различными видами производительного труда, но я забыл об одной, в которой, наверное, тоже не один ребенок захочет найти приложение для своих сил, а именно о кухне, где дети будут заниматься приготовлением пищи.

Кроме всех этих комнат, представляющих из себя мастерские или являющихся как бы комнатами для работы того или другого рода, в этом идеальном доме будет большая, огромная, просторная комната, в которой дети могут бегать, играть, шалить так, как им хочется, комната для свободных, непринужденных игр детей, здесь же они могут беседовать между собой,—это будет вместе с тем комната, в которой могут собираться все участники «Дома Свободного Ребенка», и взрослые и дети, в которой могут устраиваться их общие собрания, если и когда в этом будет являться надобность. Эта самая большая комната во всем доме будет, таким образом, комнатой для свободных игр и общих собраний.

Но игры будут происходить в этой комнате, по всей вероятности, только в дурную погоду, а в хорошую дети будут бегать и играть на дворе, или в саду, если только при «Дома Свободного Ребенка» будут таковые, а он, конечно, не преминет обзавестись ими, если у той ассоциации родителей, которая его устраивает, будут для этого достаточные материальные средства.

При наличии этих средств «Дом Свободного Ребенка» будет располагать различного рода ручными животными, зверками, птицами и т. д., за которыми будут ухаживать сами дети. Дети сами устроят в нем аквариум и террариум, которые откроют широкое поле, для тех, кто интересуется, к наблюдению над рыбами и земноводными животными. Наконец, дети могут устроить маленькую оранжерею или собрание всевозможных растений, забота о которых—поливка, содержание их в чистоте, пересадка и т. д.—будет лежать на их руках. Одним словом, все будет сделано для того, чтобы перенести в этот «Дом Свободного Ребенка» как можно больше природы, живой природы, которая могла бы дать богатый материал для их наблюдений и внести красоту и поэзию в их жизнь.

Я нарисовал эту картину в том предположении, что «Дом Свободного Ребенка» устраивается в городе, но, если он устраивается в деревне (что желательнее всего), то дело может быть организовано еще лучше. Тогда в распоряжении такого учреждения может быть клочок земли, на котором можно заниматься всеми видами земледельческого труда и всем, что связано с этим последним.

Прежде, чем перейти к рассмотрению принципов, положенных в основу жизни «Дома Свободного Ребенка», я должен ответить на один вопрос, который, вероятно, родится у моих читателей. Мне могут сказать:

— Вы говорите о том, что старая школа создавалась неправильным извращенным методом, что надо привлечь самих детей к участию в творчестве своей школы, а, между тем, тот «Дом Свободного Ребенка» который вы рисуете, по-видимому, создают родители и вообще взрослые для детей, дети приходят в него уже как в нечто готовое. Таким образом, в методе создания «Дома Свободного Ребенка» вы сами следуете тому извращенному пути, который вы осуждаете относительно школы.

На это я отвечу только одно: что, если в предыдущем я дал описание «Дома Свободного Ребенка» уже как бы в готовом законченном виде, то из этого не следует, что я предполагал, что дети вступают в него, как в вполне готовое учреждение. Они могут активно участвовать и в создании самого «Дома Свободного Ребенка», и чем полнее будет их активное участие, тем лучше. Этот дом может быть местом для детей всех возрастов обоюбого пола, и чем старше дети, тем полнее и шире может быть их активное участие в создании подобного учреждения, но и самые маленькие дети, в мере их активных сил, должны принять в этом деле участие.

Как и в чем выразится это участие, трудно сказать наперед, но мы всегда должны помнить, что чем больше и чем шире будет это участие, тем полнее будет обеспечен успех этого дела.

Дети могут и должны принять участие и во внешнем оборудовании и устройстве «Дома Свободного Ребенка», при чем здесь будут считаться со всяким их серьезным интересом и запросом и будет дан им полный простор в этом отношении так или иначе высказаться и заявить о своих желаниях и им будет дана полная возможность приложить для этого дела свой личный труд,—так и в установлении того внутреннего распорядка, который будет царить в этом доме. При участии взрослых они будут мало-по-малу, на основании опыта, создавать этот распорядок и, если понадобится, изменять его таким образом, чтобы «Дом Свободного Ребенка» все более становился местом наиболее полной, наиболее радостной жизни для каждого из его участников, чтобы он стремился сделаться средой, наиболее благоприятной для физического и духовного развития детей.

III. Принципы, положенные в основу «Дома Свободного Ребенка» в противоположность принципам современной школы.

Из парцеллированной мною выше картины жизни, которая будет иметь место в «Доме Свободного Ребенка», можно видеть, насколько это образовательное учреждение разнится от тех, какие нам приходится наблюдать в настоящее время, и эта разница отражается в том коренном различии, которое существует между основными принципами, положенными в основу этих последних, и основными принципами, на которых построен «Дом Свободного Ребенка».

Современная школа, хотя и в крайне неудачной форме и в несовершенной степени, своею исходною точкою берет развитие интеллекта, то же воспитательное и образовательное учреждение, которое, по моему мнению, должно заменить современную школу, своею исходною точкою берет развитие воли путем свободного действия и путем самостоятельного творчества. Действие и творчество, получающие свое выражение в производительном труде и в свободном самостоятельном искании истины, красоты и справедливости, — вот та основа, которая приведет и к нормальному развитию познания в человеке и к здоровому росту его интеллекта, а не то чисто книжное обучение и внешнее механическое накопление знаний, о котором так заботится современная школа. Путь деятельности, творчества, самостоятельных поисков это — тот путь, которым шло все человечество в своем поступательном шествии к высшим формам существования и жизни и которым должна идти и каждая отдельная личность, — путь, который один только гарантирует цельное нормальное физическое и духовное развитие человека.

Учение в «Доме Свободного Ребенка» вытекает из жизни и всегда остается тесно связанным с ней, а в современной школе между тою мнимой наукою, которую она преподносит

своим питомцам, и жизнь не оказывается никакой ясно видимой и осязаемой для последних связи.

Современная школа делает душу своих воспитанников складочным амбаром всевозможных книжных понятий, которые ничем решительно не связаны с их представлениями, не имеют никакого практического жизненного значения, и научает их считать это мнимое знание за настоящее. Вместо того, чтобы воспитывать в них привычку наблюдать, способность активно вопрошать природу и собственными усилиями добиваться от нее ответов, способность систематизировать свои жизненные опыты, расширять их, насколько возможно, и стараться о том, чтобы они нашли плодотворное применение к практической жизни, она воспитывает в своих питомцах поверхностное, пассивное отношение к ней.

И в этом отношении «Дом Свободного Ребенка» основан на радикально противоположном принципе, а именно на принципе активного отношения к жизни, к природе и к тому, что называется накоплением знаний. Вместо того, чтобы в готовом пережеванном виде давать ребенку начатки знания, рассчитывая исключительно на его память, «Дом Свободного Ребенка» стремится вести дитя творческим путем от одной истины к другой, так чтобы весь процесс приобретения знаний был для него рядом постоянных открытий, которые, хотя оно и делает при помощи учителя и наставника, но делает все же само, и знание таким образом, является для него, как нечто, активно добытое, а не пассивно воспринятое.

Весь процесс образования «Дом Свободного Ребенка» стремится обратить в процесс самообразования и стремится сделать это с самых первых шагов, как только у ребенка возникает потребность в систематическом образовании.

Подобным же образом и процесс воспитания «Дом Свободного Ребенка» стремится, как можно скорее, обратить в процесс самовоспитания. Те взрослые руководители, которые принимают участие в жизни «Дома Свободного Ребенка», стремятся приучить детей работать над самими собой, над выработкой в себе тех или других сторон характера, и не полагаться на внешнее руководство, а приучаться самим руководить собою, самим управлять собою. Они стремятся, если можно так выразиться, сделать себя излишними, приучить ребенка, как можно скорее, обходиться без них и без их помощи.

Современная школа стремится внушить своим воспитанникам готовые ходячие предписания морали. «Дом Свободного Ребенка», наоборот, стремится к тому, чтобы помочь каждому ребенку создать собственной работой мысли и на

основании собственного личного опыта свой нравственный идеал.

Всю свою задачу, что касается нравственного воспитания, воспитатели «Дома Свободного Ребенка» видят в том, чтобы помочь детям достигнуть высот истинной свободной и творческой нравственности, а не оставаться на уровне стадной и массовой, на которой их хочет удержать современная школа.

Стремясь к тому, чтобы каждый ребенок прежде всего приучился к управлению самим собою, они вместе с тем стремятся, чтобы и то маленькое общество детей, которое собралось в «Доме Свободного Ребенка», поскорее свободно организовалось на началах самоуправления. Прямая противоположность современной школе, которая стремится, как можно больше руководить, управлять и опекать.

Одним словом, «Дом Свободного Ребенка» построен на принципе творческого отношения ребенка к самому себе и к той маленькой общине детей и взрослых, в которой он принимает участие. Это творческое отношение со стороны ребенка не только к процессу приобретения им тех или других знаний, но и вообще ко всей своей жизни в целом и к той, хотя и небольшой, общественной жизни, которая имеет место в самом «Доме Свободного Ребенка», те воспитатели, которые там принимают участие, ставят в главу своей деятельности. А воспитатели современной школы делают и из каждого ребенка в отдельности, и из всех детей вместе в их общественных отношениях друг к другу только материал для своего личного узкого и близорукого творчества, если только к их работе позволительно применить такое высокое и священное слово.

IV. Роль производительного труда в «Доме Свободного Ребенка».

Таковы в общих чертах те основные принципы, которые положены в основу «Дома Свободного Ребенка», в их противоположности к тем принципам, на которых построена современная школа. Остановимся теперь более подробно на той роли, которую будет играть в «Доме Свободного Ребенка» производительный физический труд, а роль эта громадна, так как производительный труд есть такой фактор в воспитании и образовании детей, который должен радикально перевернуть всю существующую систему воспитания и образования.

И в современной школе мы видим как бы предчувствие того великого значения, которое имеет и может иметь в деле воспитания и образования производительный труд, и это выражается в попытках введения в лучших учебных заведениях уроков так называемого «ручного труда»... Но производительный труд, под видом «ручного труда», занимает в современной школе только крайне ограниченное место (число учебного времени, которое ему посвящается, крайне невелико, в некоторых учебных заведениях не более двух раз в неделю), он является чем-то дополнительным к общей системе того книжного образования, которое дает современная школа, он является паллиативным средством борьбы с теми недостатками, которые обнаружила эта система книжного обучения.

В школе будущего, в новой свободной школе, первичную форму которой представляет «Дом Свободного Ребенка», должно быть наоборот: производительный труд явится основным, главным делом, а книжное обучение — дополнительным, и оно будет органически связано с производительным трудом и естественно вытекать из него и естественно вести к нему.

Еще Руссо высказал великую мысль о необходимости гармонического соединения производительного физического труда с умственным развитием детей в школе, а Песталоцци

пытался осуществить эту идею на практике. Еще Фребель в своем сочинении «Воспитание человека» при обзоре общих образовательных средств в деле воспитания и образования детей, так называемого, школьного возраста говорил о том, как важно для детей «ежедневно, по крайней мере, час или два, твердо и определенно отдаваться внешнему делу, делу внешнего производства», и указывал на то, что «отсюда могли бы произойти последствия величайшей важности для жизни» (194 стр.). «Одним из величайших недостатков наших до сих пор существовавших школьных учреждений, — пишет он, — в особенности, так называемых, латинских и ученых школ, бесспорно является то обстоятельство, что вступающие в них дети совсем не принимают участия ни в каких домашних делах, ни в каких делах, имеющих с виду внешнюю производительность» (194 стр.). «А между тем, — говорит он далее — деятельность для внешнего труда и производства не только укрепляет тело, но и в особенности дух, различные направления духовной деятельности, так как дух после такой освежающей трудовой купальни с новыми свежими силами приступает вновь к своим духовным занятиям».

Настала пора, когда мы должны эту идею великих педагогов применить к делу, так как детский производительный физический труд является, действительно, совершенно новым словом в области педагогики и осуществление его, в возможно более широких размерах, призвано произвести целый радикальный переворот во всей области воспитания и образования.

Мы возмущаемся, и совершенно справедливо, теми тяжелыми условиями, в которые поставлен детский труд, благодаря капиталистической форме производства, в существующих промышленных и ремесленных заведениях. И надо всеми силами бороться против этих неестественных его форм, ведущих к уродованию и искажению в детях живого человеческого образа. Если в странах, где царит и торжествует капитализм, дети зажиточных классов, буржуазии, уродуются и коверкаются в существующих школах от избытка ненормально поставленных умственных чисто книжных занятий, то дети пролетариев там уродуются и коверкаются от избытка непосильного физического труда. И тем не менее, «будущее, даже самое прекрасное будущее», — как справедливо замечает Е. Лозинский в своей статье «Попытки коренной реформы воспитания на Западе», — «не отменит детского труда, как это теперь сплошь и рядом думают, не вытеснит детей от активного участия в промышленности и земледелии; наоборот, в таком участии оно усмотрит один

из лучших методов, как физического, так и духовного развития подрастающих поколений, тот путь, на котором только и может быть проведена и вширь и вглубь коренная реформа совершенно ненормального и неразумного традиционного воспитания» (см. «Вестник Воспитания» за 1904 г., № 3, стр. 94, 95). Мимоходом я здесь отмечу также, что еще Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» указывали на необходимость добиваться «устранения фабричной работы детей в ее нынешней форме» и «соединения воспитания с материальным производством».

Мастерская в настоящее время представляет место подневольного детского труда, — это — место, где и взрослые и дети являются рабами, — создадим для наших детей такие мастерские, которые были бы местами свободного труда, местами свободного ребенка, и мы создадим твердую, прочную основу, на которой у нас вырастет здоровая, нормальная, свободная школа, которая будет в состоянии дать нашим детям истинное образование, ведущее к пышному свободному расцвету заложенного в каждом ребенке человеческого образа, а не к искажению его.

Не мастерские надо переносить в школу, а школу надо перенести в мастерские, при чем в понятие мастерской я включаю и ту мастерскую природы, под открытым небом, которую мы имеем в случае практики земледельческого труда во всех его видах. Из мастерских, как здорового корня, может вырасти и здоровая жизнеспособная школа, но не наоборот.

Возьмем мастерскую за нашу исходную точку, но только из места эксплуатации и рабства, из места обращения человека в автомата и манекена, обратим ее в храм свободного творческого труда, украсим этот храм всем, чем мы только можем, соберем в него и вокруг него все лучшее, что только создало человечество в течение своей культурной жизни, отбросив все уродливые продукты этой культуры, и мы создадим воспитательное и образовательное учреждение в истинном и настоящем значении этого слова, перед которым все наши образовательные учреждения, как мы видели их до сих пор, все наши школы являются не более, как детскими игрушками.

Конечно, таким образом, мы расширим и углубим мастерскую, мы ее возвысим и облагородим и создадим в сущности нечто большее, чем мастерская: мы создадим не только место труда, но место полной, цельной и всесторонней жизни, не только место, где ребенок производит те или другие материальные предметы, но место, где ребенок живет широкою, всеохватывающею жизнью и где эта полная жизнь ведет

его к гармоническому всестороннему индивидуальному развитию. Мы создадим не только мастерскую для производства тех или других материальных предметов, мы создадим также и ту «мастерскую гуманности», о которой говорил Амос Коменский; храм труда мы возвысим до храма жизни и храма бесконечного совершенствования человека во всех отношениях.

Но не будем никогда забывать того, что храм жизни и храм человеческого совершенствования может вырасти только из храма труда, что только производительный труд может помочь заложить для этого надлежащий фундамент.

Вот почему «Дом Свободного Ребенка», о котором я говорил выше, если он хочет стать домом жизни, прежде всего должен стать домом труда и труд в нем должен быть поставлен на надлежащую высоту, быть серьезным делом, а не являться пустою забавою или игрушкою. Входя в «Дом Свободного Ребенка», ребенок должен быть охвачен трудовой атмосферой, и эта трудовая атмосфера нежно и мягко обовьет его душу и под ее животворным влиянием все хорошее в этой душе начнет пускать ростки и будет свободно шириться и развиваться.

Но в каком именно смысле мы должны понимать производительный физический труд и какими целями в области производительного труда следует задаваться в «Доме Свободного Ребенка» — вот вопросы, которые необходимо выяснить и по возможности более точно и определенно.

Что касается самого понятия производительного труда, то я должен прежде всего заметить, что я беру это слово, отнюдь не в политико-экономическом, а в этическом смысле. Под производительным физическим трудом я понимаю все формы физического труда, охватывающие широкую область производства тех или других материальных благ, которые связаны с удовлетворением естественных нормальных потребностей человека, удовлетворением, приносящим человеку счастье и вместе с тем не стоящим в противоречии с его гармоническим и всесторонним развитием, но являющимся одним из элементов, содействующих этому развитию.

Это понимание производительного труда совсем не совпадает с его политико-экономическим пониманием. Многие виды труда, которые политическая экономия признает видами производительного труда, будут исключены отсюда, а с другой стороны, сюда войдут такие виды труда, которые с точки зрения политической экономии должны быть отнесены в рубрику труда непроизводительного. Так, напр., производство тех предметов, пользование которыми отражается

вредно на физическом или духовном здоровье человека, как, напр., спиртные напитки, табак и т. д., будет исключено нами из понятия производительного труда. Но зато мы должны включить сюда все те многочисленные работы детей, плоды которых с точки зрения взрослых не имеют никакого значения; но с точки зрения детей представляются в высшей степени важными и которые, вместе с работой, затраченной на них, являются для детей одним из важных элементов их физического и духовного развития.

Независимо от свободного посильного участия детей в труде взрослых,—в труде, в результате которого являются вещи, одинаково необходимые, как для жизни взрослых, так и для жизни детей, дети имеют полное и неоспаримое право на приложение своих сил в той области производительного труда, в результате которого являются вещи, необходимые специально для детей. И этот вид производительного труда должен быть их свободным, творческим делом, в котором принимают участие и любящие их взрослые, прилагающие все усилия к тому, чтобы использовать этот труд в полном размере в целях всестороннего их свободного развития, соответственно с индивидуальной природой каждого ребенка.

Другой важный вопрос, который возникает относительно производительного труда в «Доме Свободного Ребенка», это—какими целями должны мы задаваться в данном случае. Надо ли здесь стремиться к тому, чтобы сделать из ребенка специалиста в той или другой отрасли производительного труда, т.-е. сделать из него профессионального столяра, переплетчика и т. д.?

Нет, это ни в коем случае не должно являться здесь целью. Производительный труд в его целом, во всех его разнообразных формах, в которых он найдет себе применение в «Доме Свободного Ребенка», должен служить не выработке из ребенка того или другого специалиста, но выработке из него человека, должен служить не к подготовке его к той или другой специальной профессии, но к подготовке его к профессии человека вообще, должен содействовать его всестороннему гармоническому физическому и духовному развитию.

И, если ребенок будет заниматься производительным трудом с сознанием той плодотворной роли, которую он имеет для его развития, для выработки из него настоящего человека, это не значит, что он будет заниматься производительным трудом, не как серьезным делом, а как игрой. Наоборот, он будет им заниматься даже, как более серьезным делом, чем в том случае, если бы он занимался произво-

длительным трудом исключительно ради получающихся в результате этого труда каких-либо внешних материальных благ, потому что дороже всяких внешних материальных благ сам человек и нет ничего выше, как содействовать совершенствованию человека, как в самом себе, так и в других.

С чем большими видами производительного труда ребенок будет иметь случай познакомиться в «Доме Свободного Ребенка», тем лучше. Прежде чем выбирать себе те или другие виды производительного труда в качестве специальности, ему должна быть дана возможность узнать возможно более полно широкое поприще производительного труда вообще.

Таким образом, «Дом Свободного Ребенка» по возможности должен стремиться к тому, чтобы стать живою энциклопедией производительного труда. Только как живая энциклопедия производительного труда «Дом Свободного Ребенка» даст возможность понять каждому ребенку всю широкую область производительного труда в его целом, овладеть, так сказать, философией производительного труда вообще.

«Дом Свободного Ребенка» в этом отношении глубоко различается и от мастерской ремесленника и от специальной технической школы. «Потеря времени, при изучении ремесла,—говорит Кропоткин в своей книге «Земледелие, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла»,—так же велика, как и при изучении наук. Мы знаем, что мальчики теряют несколько лет, состоя в учениках у каких-либо ремесленников. То же самое в обширном смысле применимо и к техническим школам, где думают обучать только какому-нибудь специальному ремеслу, вместо того, чтобы прибегать к всестороннему систематическому обучению. Подобно тому, как существуют общие подготовительные сведения для изучения всевозможных отраслей науки, так существуют и общие основные правила для изучения разнообразных ремесл» (стр. 173).

Дать возможность ребенку овладеть этими общими основными правилами, постигнуть философию по возможности всех ремесел, всего производительного труда в его целом—вот чего должен добиваться «Дом Свободного Ребенка», а не того, чтобы обучить ребенка специально тому или другому ремеслу.

В том случае, если ребенок почувствует особенное призвание к тем или другим формам производительного труда, он изучает их более детально и тщательно в специальных

учебных ремесленных мастерских, которые могут быть открываемы при «Доме Свободного Ребенка» по мере того, как является запрос на эти учебные мастерские. И он изучит их там тогда, после того, как он ознакомился с философией производительного труда вообще, в гораздо более быстрое время, чем если бы он приступил к ним раньше этого знакомства.

V. Образование в «Доме Свободного Ребенка».

Роль, которую должен играть производительный труд в педагогическом отношении,—громадна: он является не только самою лучшею школою для развития в ребенке воли, для развития его в нравственном и социальном отношении, для развития в нем чувства собственного достоинства, умения стоять на своих собственных ногах, сознания себе цены, как самостоятельной, независимой личности, умения согласовать свои усилия с усилиями других, способности к широкой общественной работе рука об руку с другими, но вместе с тем он является наилучшею исходною точкою для нормального здорового развития интеллекта, для получения ребенком настоящего истинного образования, а не того фальсифицированного суррогата образования, какое дает нашим детям современная школа.

А почему она не может дать этого истинного образования? Да потому, что она стремится навязать его насильно, несколько не сообразуясь с индивидуальною природою детей, потому что она истинные и подлинные источники образования, каковыми являются жизнь и природа, скрывает от детей, а заставляет их черпать это образование из книг, книг и книг, потому, наконец, что она воображает, будто-бы духовная жизнь может быть сформирована извне, путем наложения «образовательного материала». Тогда как, как прекрасно это показывает Паульсен, духовная жизнь образуется только деятельностью внутреннего творческого начала, и образование может быть достигнуто только путем внутреннего развития личности.

Образование, по самому существу своему, требует свободных активных усилий со стороны ребенка и может быть получено им только путем самостоятельной работы. Всякое истинное образование, как я уже упоминал выше, сводится к самообразованию и покоится, таким образом, на принципе труда вообще. Без личного труда, без личных усилий нет

и не может быть образования. И вся наша задача в деле образования наших детей сводится к тому, чтобы поставить их в благоприятные условия для завоевания путем собственной самостоятельной работы этого образования.

В чем же будут заключаться эти благоприятные условия, которые мы должны постараться создать для наших детей, в чем будет состоять наша помощь им в деле образования? Устроим ли мы для них классные занятия, будем ли мы им давать, так называемые, уроки или читать лекции, будем ли мы их учить грамоте и дадим ли мы им книги, из которых бы они могли почерпнуть образование, или же мы должны пойти каким-то другим путем, в который, может быть, и войдет кое-что из упомянутых способов, но как второстепенный и подчиненный элемент и во всяком случае не в той уродливой, насильственной форме, в какой оно входит в современную систему образования?

Если мы хотим кому-нибудь помочь добиться образования, то мы, действительно, должны идти другим путем. Какой же это путь? Мы не позволим ребенка в классную комнату, не станем ему давать, так называемого, урока, не посадим его с самого же начала за книгу, — мы приведем его в активное соприкосновение с жизнью, природою, людьми. Он будет смотреть, обонять, осязать, ощупывать, слушать, он будет действовать на жизнь, природу и людей, и будет размышлять собственной своей головой над всем этим.

И вот настоящие ценные элементы истинного действительного образования. Все остальные элементы только через них получают свое значение.

Этого никогда бы не следовало упускать из виду, и если бы мы помнили это, то остереглись бы от преувеличенной оценки грамотности и книг, как главных элементов образования. Грамотность и книги не только не главные элементы общего образования, но получают все свое значение только при правильном пользовании упомянутыми выше, действительно, главными элементами образования. Если же этими главными элементами образования не пользуются в надлежащей интенсивной степени, то грамотность и книги могут стать орудием не образования, а орудием искажения человеческого духа.

Гораздо полезнее будет в смысле общего образования открыть перед ребенком широкий мир природы, мир красок, света, звуков, животных, растений и т. д., мир живой действительности и поставить его в условия борьбы с природою путем производительного труда, чем открыть перед ним мир книг, мир символов и знаков, мир отраженной жизни. Дадим

ему, как следует пожить в этом первом мире, и тогда он научится надлежащим образом пользоваться и тем другим миром, миром символических знаков, который иначе может стать для его духа гробницею.

Не будем никогда этого забывать—грамотность и книга ценны только в той мере, в какой они ведут нас опять к жизни, к природе, к действительности, к этому настоящему источнику всякого развития, как физического, так и духовного! Будем, поэтому, осторожно пользоваться чисто книжным образованием, имея в виду эту их подчиненную и второстепенную роль!

Кроме того, не будем никогда упускать из виду, что систематическое изучение той или другой отдельной науки, конечно, совершаемое, главным образом, не при помощи книг, а путем самостоятельных опытов и наблюдений, будет только тогда в наибольшей степени плодотворно, когда оно вытекло из ясно сознаваемой потребности в изучении этой науки. Потребность же эту может вызвать жизнь и, главным образом, производительный труд, как арена прикладного знания.

В своей книге «Воспитание человека» Фребель прекрасно показывает, что всякое занятие и всякий промысел, всякая профессия отца может послужить исходным пунктом для усвоения всякого человеческого знания. «До какого только богатства знания,—говорит он, может дойти сын крестьянина, благодаря повозке и плугу своего отца, сын мельника, благодаря отцовской мельнице, сын кушца, благодаря сырым и обработанным продуктам природы, составляющим предмет торговли отца! Какое богатство знаний может развиться из различных занятий фабричного рабочего! Все это настоящие взгляды и понятия, которые только с большим трудом и издержками дает школа и учебные годы, а часто и вовсе не в состоянии дать» (стр. 65) ¹⁾.

¹⁾ Интересно отметить, что еще в начале 19-го столетия Фребелем была сделана практическая попытка использовать производительный труд в качестве исходной точки для научного образования. В 1817 году им в сотрудничестве с Вильгельмом Миддендорфом и другими в Кейльгау было основано воспитательное и образовательное учреждение, в котором, как пишет об этом Карл Шмидт в 4-м томе своей „Истории педагогики“, „учителя и ученики вступили в тесную связь с природою: они жили не только с нею, но в ней самой, и при этой жизни они не пассивно отдавались ее влиянию, но блюли ее, возделывали и оживляли, с тем, чтобы этим путем единения с природою возвысить единение собственной жизни“. Здесь воспитатели „разумно следили за проявлениями детской природы и действовали, верно сообразуясь с склонностями воспитанников. Они сумели тесно сжиться с своими воспитанниками и притом не только щадить по возможности индивидуальность каждого из них,

Но, если каждый отдельный вид производительного труда, который ребенку приходится наблюдать в родительском доме, может послужить исходным пунктом и толчком для усвоения всякого человеческого знания, то тем более это можно сказать о том месте, которое старается собрать, соединить в себе возможно большее число (что, конечно, зависит от средств) видов и форм производительного труда, которое стремится стать, как мы упоминали об этом выше, *живою энциклопедией производительного труда*.

Какое богатое количество знаний — ценных, реальных, фактических, может дать такое место не только каждому из детей, но даже и каждому взрослому человеку, и вместе с тем только такое место может послужить импульсом к сознательному, осмысленному систематическому изучению той или другой отрасли знания, той или другой науки.

Только занимаясь производительным трудом, понимая это слово в самом широком его значении, ребенок приходит в тесное соприкосновение с предметами природы, которые он

но даже утвердить и закалить их в самостоятельности“. При этом „с целью возбудить охоту к учению, они задумали применять к делу не только любопытство, предпосылая предмет понятию и слову, не только наглядное обучение, но даже просто физическую работу. В этой работе и через нее имелось в виду возбудить потребность и влечение к образованию и учению. На такой конец воспитанников не только заставляли заниматься сельскими работами, но их водили также в мастерские и заставляли там производить разные технические изделия, которые или непосредственно подавали повод к обучению, или на которые по крайней мере в том или в другом случае можно было сослаться в преподавании. Так как в этом учебном заведении „обращали слишком мало внимания на требования, какие предъявлялись остальными школами, а следовательно и обществом“, то о заведении вскоре сложилась сомнительная слава и стали требовать, чтобы Рудольштатское правительство закрыло это „гнездо демагогов“. Правительство отправило в Кейльгау следователем генерал-суперинтендента Цэ. Последний в докладе своем заявил, что в этом педагогическом заведении господствует свежий, полный жизни, вольный, но все-таки уряженный дух. „Здесь,—говорит он,—встречаем в настоящем своем виде то, чего действительная жизнь нигде и никогда не представляет: тесно связанную, в мирном согласии живущую, семью из 60 слишком членов... семью, в которой, благодаря тесным узам охватившего их доверия и влечения каждого из членов к целому, все как бы само собою бодро и любовно преуспевает. Здесь не дают заснуть дремлющим силам; в такой обширной и тесно связанной семье они всегда находят потребное для себя возбуждение и место или уголок, где могли бы заявить себя... Благо детям, образующимся здесь с 6-тилетнего возраста. Если бы можно было все школы обратить в такие педагогические заведения, то после нескольких поколений из них вышло бы более сильное по духу и, вопреки первородному греху, более чистое и доблестное племя“... После такого доклада правительство немогло стать против заведения; оно потребовало только, чтобы воспитанникам остригли волосы. Однако гонения все-таки достигли своей предполагаемой цели. Некоторые из родителей, особенно из знати, взяли оттуда своих детей. В 1829 г. число воспитанников с 60-ти сократилось до 5-ти. (Стр. 296—298).

видоизменяет путем труда, и, так сказать, практически изучает ту или другую науку, еще не зная ее настоящего имени.

И тогда, после этого молчаливого, бессознательного, но полного глубокого смысла изучения, которое дается ему при активном воздействии на природу путем производительного труда, для него получает и более глубокий смысл то последующее теоретическое систематическое изучение той или другой науки, к которому он может приступить впоследствии. И он приступит тогда к этому изучению с гораздо большим интересом, и оно будет иметь для его образования в силу этого гораздо более плодотворное значение.

Так, занимаясь столярным ремеслом, ребенок молчаливо усваивает практическим путем многие истины геометрии и механики; занятия в кухне над приготовлением пицци могут послужить исходною точкою для приобретения сведений из области физики и химии, не говоря уже о разных сведениях из области ботаники и зоологии; а занятия земледелием, огородничеством и вообще все работы среди природы, какой изобильный источник для всякого рода знаний они дают и какая хорошая исходная точка для последующего научного образования.

В своей книге «L'école Nouvelle» бельгийский писатель Эльсландер подробно нам рисует всю ту широкую схему знаний, источником которых может послужить школа, основанная в деревне среди природы и построенная на принципе производительного труда. К этой книге я и отсылаю всех тех, кто желал бы более подробного развития отмеченной мною мысли.

Научное образование при такой его постановке будет вытекать из самой жизни, из труда ребенка и будет опять вести его к жизни и труду. На каждой ступени своего развития ребенок будет обладать научным багажом, который является для него не мертвым капиталом, не балластом, тяготящим его душу и обременяющим только его память, но тем ценным сокровищем, которым он всегда и во всякое время может и умеет пользоваться, которое он может применить к жизни и использовать ради достижения тех или других сознательно им поставленных целей.

Каждый ребенок при этом из великой сокровищницы знания выберет себе именно тот научный багаж, какой ему нужен и который он может использовать для жизни. И размер всего этого будет определяться, как природными дарованиями, так и склонностями, вкусами и интересами ребенка. «Различие в направлении и размерах способностей,— как говорит Паульсен,—делает необходимым существование

различных видов и мер образования; когда человеку навязывают иное или в больших размерах, чем требуют или могут перенести его природные задатки, то в результате получается уродство. Не к однообразию должны мы стремиться, а к многообразию, дабы каждая наклонность, каждая потребность и каждая степень рабочей способности могла найти то, что к ней подходит ¹⁾).

Только взявши производительный труд, прикладное знание, активное отношение ребенка к жизни и природе за свою исходную точку, нам удастся нащупать тот круг наук, который действительно интересует данных детей, и только таким образом может наметиться программа их научного образования и когда все это наметится, когда назреет, так сказать, надобность в изучении тех или других наук, тогда только появятся на сцене и учителя и преподаватели и вообще люди, обладающие теми или другими специальными знаниями, чтобы помочь детям как можно скорее приняться за самостоятельное изучение той или другой отрасли знания, которая их интересует.

Только путем опыта будут выработываться учебный план и программа теоретических занятий, только мало-по-малу будет определяться относительно постоянный контингент учителей.

Остановимся несколько более подробно на этом пункте, так как и в этом отношении та новая свободная школа, которая должна вырасти из «Дома Свободного Ребенка», глубоко и коренным образом отличается от старой существующей школы, основанной на насилии и принуждении.

Существующая школа исходит из определенного круга учебных предметов, расположенных в известном систематическом порядке, в известной последовательности, и этот круг учебных предметов, этот объективный цикл знаний, она внедряет одинаково во всех своих воспитанников, не сообразуясь несколько с их индивидуальными запросами.

Свободная школа становится в резкую оппозицию к подобному порядку вещей: она принципиально отрицает всякую внешнюю объективную последовательность в усвоении знаний, которая была бы обязательна для всех, в каком бы совершенном виде эта объективная последовательность нам не представлялась. Она строго различает между объективным порядком распределения знаний, между их логической по-

¹⁾ Ф. Паульсен. Образование (помещ. в „Вестнике Воспитания“ за 1900 г. № 2).

следовательностью и между субъективным порядком их усвоения, или их психологической последовательностью.

Одно может не покрывать другое и не совпадать друг с другом. И даже более того, то, что с внешней, логической точки зрения будет являться образцовым порядком, то с внутренней, психологической точки зрения может иногда означать величайший беспорядок, величайшее смятение и путаницу в области процессов душевной жизни.

Дело в том, что объективный порядок наук, тот порядок, в каком науки должны были бы последовательно усваиваться, имеет в виду отвлеченного, абстрактного человека; но такого человека не существует—существуют конкретные люди, представляющие глубокие индивидуальные отличия друг от друга в складе своего мышления, в жизненном опыте, в направлении своих интересов, и вся эта индивидуальная своеобразная наличность душевной жизни обуславливает для каждого тот особенный порядок в усвоении им знаний, который может привести его наиболее кратчайшим путем и наиболее для него плодотворным способом, к обладанию наибольшим возможным для его ума запасом знаний, который уже накопило человечество.

Обыкновенно думают, что объективный порядок знаний и представляет именно такой кратчайший путь. Но это—ошибка. Для каждого существует свой кратчайший путь, в зависимости от индивидуальности каждого.

Кратчайший путь к усвоению наибольшего количества и в возможно более широких размерах необходимых теоретических познаний заключается в том, чтобы в каждый момент устремлять свое внимание на усвоение тех именно знаний, которых наш ум требует именно в данный момент, относительно которых он именно в настоящее время чувствует наиболее сильные голод и жажду,—одним словом, направлять свой процесс усвоения знаний по линии наибольшего духовного интереса.

Те знания, которые усвоены в момент глубокого духовного интереса к ним, прочно и навсегда усвоятся нашей памятью и тесно и органически свяжутся со всем остальным нашим духовным богатством; те же знания, которые втиснуты в нас в те моменты, когда наш ум не чувствовал к ним никакого позыва, в какой бы логической последовательности и строгой их координации друг с другом это не совершалось, представляют нечто мертвое и безжизненное, представляют только балласт, который будет задерживать и тормозить наше нормальное духовное развитие.

Не тот человек может получить действительное образование, который пройдет весь цикл наук в той их строгой последовательности и координации друг с другом, как это намечено в разных программах, как бы архи-совершенны эти последние ни были, но тот, который непрерывно стремится к расширению своих знаний, но ищет всегда только тех знаний, какие идут навстречу его глубоким запросам, его существенным интересам.

Помогать ученикам в этих их стремлениях, нести им из сокровищницы человеческих знаний те именно, в которых они нуждаются в данный момент,— вот, что школа должна ставить своей настоящей задачей в деле образования, а не стремление провести во что бы то ни стало ту программу учебного курса, в которой так изящно координирована одна область человеческого знания с другой и которая так прельщает педагогов своей величавой стройностью и логичностью. А если приглядеться ближе к делу, то все это величественное архитектурное здание явится не больше, как склепом и мавзолеем, в котором мы хороним живые души наших детей, стремясь сделать из них ходячие энциклопедические словари, а не живых, самостоятельно и критически мыслящих личностей.

Свободная школа принципиально отказывается от объективной внешней общеобязательной программы знаний для всех,— программы, которую должны все пройти и именно в том порядке, какой указан в программе. На место такой объективной общеобязательной программы она ставит программу субъективно-обязательную.

Для каждого воспитанника существует своя программа усвоения теоретического знания и помочь каждому уяснить эту программу и помочь каждому в ее практическом осуществлении будет составлять одну из важнейших задач тех взрослых людей, родителей или учителей, которые будут работать в «Доме Свободного Ребенка» и в свободной школе, которая создастся в этом доме.

Духовные запросы воспитанников, стремление пойти им навстречу, дать им ответы или указать путь к получению этих ответов на те именно вопросы, которые у них возникают, и в тот момент, когда они возникают,— вот исходная точка, от которой будет отпирываться свободная школа. И можно быть уверенным, что, идя от детских вопросов и поставив своей задачей систематически и планомерно удовлетворять детскую любознательность в данном отношении или помогать детям самим находить ответы на эти вопросы, мы поведем их от этих вопросов к другим новым и т. д., и т. д. И детские вопро-

сы, цепляясь друг за друга, расширяясь и разрастаясь, неизбежно приведут к систематическому изучению тех или других отраслей человеческого знания.

И в результате такого свободного изучения, вытекшего из глубоких жизненных потребностей детей, мы получим того действительно истинно образованного человека, о котором мечтал в XVII веке еще Ян Амос Коменский, так поэтично уподобляемого им дереву, «которое поддерживается собственным корнем, питается собственным соком и потому постоянно (и с каждым днем все крепче и сильнее) богатеет соками, зеленеет, цветет и приносит плоды», в результате мы получим тех людей, которые, по его же красивым словам, будут «почерпать свои дальнейшие познания не из книг, но из неба и земли, из дубов и буков», т.-е. будут «познавать и исследовать самые вещи, а не только изучать чужие наблюдения и свидетельства о вещах».

Это было сказано в XVII столетии, а великие слова великого педагога до сих пор остаются словами, по отношению к которым нет даже и малейшего намёка осуществления их в жизни, и десятки, сотни тысяч детей в тысячах, так называемых, образовательных учреждениях Европы продолжают каждый день уродоваться, насильственно усваивая, конечно, чисто внешним образом, фальшивый образовательный материал. И в результате этого, получается то печальное явление, которое озабочивает всех мыслящих людей и которое называется полуобразованием, т.-е. знакомство со всем и умение поговорить обо всем, ничего, в сущности, не зная глубоко и основательно, и которое тот же Коменский так прекрасно охарактеризовал, как «нечто в роде компиляции, составленной из разнородных лоскутков, нигде порядочно не скрепленных между собою, — компиляции, не приносящей сколько-нибудь прочного плода»¹⁾.

И когда мы вдумаемся глубже в это ужасное явление, называемое полуобразованием, то для нас станет понятным тот вопль отчаяния, который вырвался около 100 лет тому назад из души другого великого педагога Фребеля:

— О, если бы мы хоть раз, — писал Фребель, — рассмотрели, наконец, ради блага и спасения наших детей и ради спасения будущих поколений, что мы обладаем слишком большой, обременяющей массой наносных и чуждых нам знаний и образованием, и к тому же стремимся еще более глупо увеличивать их и что, напротив, только очень и очень немногие из нас обладают знаниями, добытыми из нас и через нас,

¹⁾ Я. А. Коменский. „Великая дидактика“.

выросшие из нашей собственной души, развивавшиеся в ней и через нее. О, если бы перестали, наконец, нагружать себя чужим мышлением, чужим знанием, мало того, даже чужими ощущениями и чувствами; о, если бы мы действительно, наконец, перестали поставлять высшую славу нашего воспитания, нашего обучения, нашей школы в том, чтобы начинать наших детей и школьников чужим знанием и умением и видеть достижение своей цели и идеала наших детей и школьников, чем более они блестят этим чуждым и наносным знанием и умением, как какие-то гробокопатели... Неужели же мы никогда не перестанем чеканить своих детей, отроков и школьников, как монеты, и будем продолжать смотреть, как они щеголяют под чужой надписью и с чужими изображениями?.. Какое поколение, какой народ или какое время будет достаточно великим, чтобы отречься от самих себя ради своих детей и ради изображения чистой человечности. Неужели же мы источник жизни, Бога в душе и уме всякого человека, источник, который Бог внедрил нам, не перестанем загромождать всяким мусором! Неужели же мы захотим отнять и у себя, и у своих детей, у своих воспитанников и учеников невыразимую радость по поводу того, что внутри нас, в нашем уме и в нашей душе, течет источник вечной жизни? Неужели же вы, родители и их заместители, воспитатели и учителя, будете принуждать ваших детей к тому, чтобы они источник жизни запруживали всяким сором и загоразивали зарослью? Вы отвечаете на это: что только с таким багажом имеют они значение в свете; дети скоро вырастают большими, кто же будет тогда кормить их?.. что им есть?.. во что одеться?.. Безумные!.. Разве тут дело идет о какой-нибудь бездушной, сомнительной жизни без знаний и деятельности? Знания и идеи должны радовать род человеческий; он должен обладать такою силою и энергией, которых мы теперь и не предчувствуем... *Но они должны вытекать естественным путем из каждого индивидуума, как вновь созданные самостоятельные произведения во всей силе и свежести молодости»*¹⁾.

Так писал Фребель в 1826 году, а слова его и до сих пор звучат великим укором современным родителям, воспитателям и учителям.

¹⁾ Фребель. „Воспитание человека“. (188—190)

VI. Педагог будущего. Роль родителей, воспитателей и учителей в «Доме Свободного Ребенка».

Само собой понятно, что все те и образовательные и воспитательные задачи, которые будут преследоваться в «Доме Свободного Ребенка» и которые таким коренным образом разнятся от тех педагогических задач, какие ставятся в большинстве образовательных учреждений нашего времени, требуют для своего разрешения и педагогов несколько иного типа, чем какой нам приходится наблюдать теперь, так как они требуют и несколько иной педагогической деятельности, чем какая практикуется в настоящее время. Если мы попытаемся выяснить общий характер этой новой педагогической деятельности, то мы тем самым выясним себе и новый тип того педагога, который должен сменить современного педагога.

Каков же будет характер этой новой педагогической деятельности?

Новый педагог будет чувствовать «священный трепет» перед каждой детской душой, он будет бояться как-нибудь грубо нарушить мир этой души, помешать той таинственной работе, которая совершается в ее недрах, и как-нибудь случайно и неосторожно растоптать те нежные благоуханные цветы, которые в ней начинают распускаться.

Об этом «священном трепете» современные педагоги не имеют и отдаленного понятия, — они всегда во что бы то ни стало ведут свою линию и ради достижения своих ложных педагогических целей грубо и неумело вторгаются в детскую душу, нарушают ее чудную гармонию, смущают ее глубокий покой, среди которого совершается таинственная незримая работа ее роста, и топчут и давят набухающие цветочные почки, не давая им распуститься в цветы, полные того особенного своеобразного индивидуального аромата, который присущ данной душе.

Как далеки эти педагоги от того взгляда на воспитание, который был высказан Эллен Кей. «Воспитывать ребенка,—пишет шведская писательница,—это значит бережно нести его душу в своих руках, это значит направлять его стопы на узкую тропу. Это значит никогда не доводить себя до опасности, чтобы нас встретил холодный взор ребенка, без слов осуждающий несостоятельного и ненужного воспитателя; это значит смиренно признать, что несравненно легче нанести ребенку вред, чем принести ему пользу»¹⁾).

Для современного педагога на первом плане не свободная душа ребенка, а урок и вообще достижение того или другого чисто внешнего результата.

Деятельность педагога будущего будет носить по преимуществу следящий, выжидающий характер, он будет всегда помнить золотые слова, сказанные Руссо, что в воспитании терять время иногда на самом деле значит выигрывать его. Он не будет спешить со своим вмешательством и не ранее прибегнет к нему, как тогда, когда этого будет требовать естественный ход развития самого ребенка.

Он будет более всего опасаться возможности помешать той свободной работе духовного роста, которая совершается в душе ребенка, и будет направлять все свои усилия к тому, чтобы охранить ребенка от такого грубого вмешательства со стороны других людей или окружающей его среды, которая тоже иногда может, избытком своих чисто внешних впечатлений, подавить самостоятельную духовную жизнь.

Он направит свое внимание на то, чтобы окружающая среда не мешала внутренней работе ребенка, а доставляла только необходимый для этого материал. И в этом косвенном содействии свободному развитию ребенка, новый педагог будет видеть свою высшую задачу.

Но это не значит, что он откажется и от прямого воздействия на ребенка, только это прямое воздействие примет совершенно иной характер, чем тот, который оно имеет в настоящее время.

Как стремится влиять на ребенка современный педагог? Он его наставляет, обучает, старается внушить ему то или другое, т.-е. другими словами, расставляет ему силки и старается поймать его непокорную волю, его самобытный ум в эти силки и направить их по тому руслу, которое ему, педагогу, представляется желательным. Вся почти современная педагогическая деятельность сводится к улавливанию детских

¹⁾ Элен Кей. „Век ребенка“. Пер. под ред. Ю. Айхенвальда, Спб. 1905.

душ, и официальная педагогика видит в этом даже квинт-эссенцию своей деятельности.

Она иначе и не понимает педагогического влияния, как в смысле подчинения ребенка воле педагога.

Для нее ребенок—это воск, из которого можно лепить что угодно. И современные педагоги лепят, и от этой работы их, если только приглядеться к ней ближе, можно притти в ужас.

Вместо свободного человека из их рук получается раб, способный менять ливреи рабства, но неспособный стать свободным человеком, неспособный стоять на своих собственных ногах, а требующий всегда того или другого невидимого дирижера, который бы управлял его движениями, его действиями и поступками.

Какой же характер будет носить воздействие, которое будет стремиться оказывать на ребенка педагог будущего?

Этот новый педагог будет стремиться влиять на ребенка таким образом, чтобы ни воля ребенка, ни ум его, ни чувство при этом не поработались бы ни в малейшей степени, а, наоборот, делались бы еще свободнее, независимее, самобытнее.

Он никогда не забудет, что перед ним, выражаясь словами Эллен Кей, «новая душа, особое «я», которое прежде всего имеет благородное право самостоятельно думать об окружающем мире и своих впечатлениях».

Его воздействие не будет носить характер расставления силков, в которых бы ребенок мог запутаться, обезсилеть и стать покорным орудием его планов. Наоборот, он будет расшутывать и рвать те сети, в которые почему-либо попала душа ребенка. Он будет освобождать его волю и его ум. Он будет уклоняться от давления на него и будет подстрекать его к самостоятельным поискам. Он остережется быть для раскрывающихся духовных сил ребенка помочами, он будет, наоборот, побуждать ребенка к смелому, самостоятельному пользованию этими силами, так как только самостоятельной работой ребенок может завоевать себе звание свободного человека.

Да, бывают разные влияния людей друг на друга,—одно влияние нас поработывает, другое освобождает; и вот таким освобождающим влиянием и должно быть всякое истинно-педагогическое влияние.

Вместо того, чтобы наставлять, обучать, внушать что-либо ребенку, истинный педагог будет помогать ему самостоятельным творческим путем доходить до раскрытия законов нравственности, до открытия истины и воплощения красоты.

Между ним и ребенком установится взаимодействие, но

не то взаимодействие, которое в настоящее время принимает форму урока, учительства, — форму, при которой педагог поднимается на недосыгаемый пьедестал...

Нет, оно примет форму свободного духовного общения, при котором педагог становится другом, братом ребенка, его старшим товарищем.

Оно примет ту форму, которую имело общение Сократа с его учениками, представляющее истинный тип нормальных педагогических отношений. Сократ стремился быть акушером человеческой души и таковым должен быть всякий истинный педагог.

Помочь молодой душе свободно созреть и родиться для свободной самостоятельной жизни — вот в чем задача истинного педагога. И этой задачи он не достигнет никакими уроками, а только личным свободным духовным общением, тем свободным духовным общением, при котором и учитель и ученик тесно сливаются воедино в одном общем страстном искании истины, красоты и добра.

Вот какие педагоги необходимы для идеальных воспитательных и образовательных учреждений, и я не сомневаюсь в том, что такие искатели истины, такие освободители человеческого духа в других людях, такие истинные педагоги найдутся, если только мы их попристальнее поищем.

Из сделанной мною выше, хотя и в кратких чертах, характеристики типа того нового педагога, который должен сменить собою современного педагога, не трудно уже определить и характер той роли, которую будут играть в «Доме Свободного Ребенка» родители и вообще лица, являющиеся его устроителями и принимающие в его создании и развитии деятельное участие. Очевидно, та роль, которую они играют в этом доме, будет значительно отличаться от той роли, которую играют директор, инспектор, учителя и воспитатели в обыкновенных школах, как общественных, так большей частью и частных, как это нам приходится наблюдать в действительной жизни.

В обыкновенных учебных заведениях весь перечисленный нами персонал считает себя хозяином воспитательного и образовательного дела в данном учебном заведении. Он изображает из себя как бы школьное правительство в том маленьком государстве, которое представляет школа, а дети — это народ, которым управляют, которым распоряжаются, для которого устанавливают регламенты, нормы поведения, весь порядок жизни. Дети — это рабы, это крепостные, которые должны подчиняться повелениям того школьного правительства, которое стоит над ними.

Ничего подобного не может и не должно иметь место в «Доме Свободного Ребенка», иначе это будет не «Дом Свободного Ребенка», а «Дом ребенка-раба», каковым являются почти все наши воспитательные и образовательные учреждения.

В «Доме Свободного Ребенка» не существует ничего аналогичного школьному правительству, в «Доме Свободного Ребенка» не существует вообще вовсе никакого правительства, которое противостояло бы, как нечто отличное, управляемым.

«Дом Свободного Ребенка» есть именно «дом свободы», а свобода не мирится ни с каким рабством и порабощением, ни с какой формой власти одного человека над другим.

«Дом Свободного Ребенка» есть место, в котором никто не приказывает и никто не повинует, а общее планомерное действие, если оно бывает необходимым, обуславливается общим свободным взаимным согласием, — «свободным договором».

Таким образом, взрослые, которые будут принимать деятельное участие в этом доме, придут сюда не для того, чтобы управлять, направлять, приказывать, распоряжаться, — они придут сюда, как равноправные члены, не пользующиеся по сравнению с детьми никакими особенными правами и преимуществами, они придут сюда для того, чтобы принести все свое знание, все свое умение, всю свою силу, весь свой жизненный опыт на помощь делу физического и духовного развития детей. Они придут сюда не как начальники, не как правители, а как товарищи детей, как их друзья, как их сотрудники и помощники. И им предстоит играть большую роль в этом доме.

Они вовсе не обречены на бездеятельность, на спокойное пассивное созерцание того, как жизнь этого дома будет развиваться и принимать все более и более высокие формы. Наоборот, для их деятельности откроется более широкое и плодотворное поприще, чем на каком обыкновенно подвизаются начальники, учителя и воспитатели обыкновенных учебных заведений. И эта деятельность потребует с их стороны напряжения всех физических и духовных сил, но зато и даст им наиболее полное удовлетворение, которое только способна дать истинная педагогическая деятельность, изгнавшая из числа своих средств насилия бесповоротно и навсегда.

В чем же будет заключаться эта деятельность? Как будут и как должны действовать взрослые участники «Дома Свободного Ребенка»? Попробуем перечислить все те различные формы, которые она может принять.

На обязанности взрослых членов «Дома Свободного Ребенка» будет лежать, прежде всего, забота о том, чтобы каждый ребенок, входящий в него, мог найти себе по душе занятие или работу, соответствующую его склонностям, вкусам, способностям, возрасту, силам. Ребенка, в первый раз вступающего в это здание, знакомят со всем, что в нем находится, показывают ему все мастерские, дают ему время ориентироваться и разобраться и самому уже определить для себя те сферы деятельности, которыми он будет заниматься более регулярно и правильно.

И прежде, чем деятельность ребенка примет правильный характер, несомненно, пройдет некоторый период времени, когда она будет являться хаотической, когда ребенок будет перескакивать от одной деятельности к другой, когда он будет метаться из стороны в сторону. Но этого нечего бояться, это неизбежно, а чем больше число тех сторон, в которые он мог метаться, тем более устойчивые, планомерные и систематические формы примет его деятельность впоследствии.

Чем больше будет выбор тех форм деятельности, среди которых должен сделать выбор ребенок, тем длиннее будет, быть может, период хаотичности и бессистемности в жизни ребенка, но зато тем устойчивее будет тот порядок и та система, которые возникнут после этого периода.

Однако, этот период хаоса и бессистемности может быть значительно сокращен при умелой помощи ребенку со стороны взрослых; эти последние могут в значительной степени облегчить ему возможность ориентироваться наиболее кратчайшим способом.

Другая забота, которая ложится на взрослых членов «Дома Свободного Ребенка», это — помощь ребенку в том занятии и в той работе, которую он избрал, советами, указанием лучших приемов работы и т. д., при чем эта помощь нисколько не стесняет самостоятельной творческой деятельности ребенка. Для своей работы ребенок сам себе намечает определенную цель, и никто не пытается на него в этом направлении оказывать какое-нибудь давление.

Работая вместе с детьми, и, быть может, даже и принимая участие в их играх, те новые воспитатели, которые найдут себе место в «Доме Свободного Ребенка», будут внимательно наблюдать над детьми, будут изучать индивидуальный характер каждого ребенка, будут записывать относительно каждого ребенка все выдающееся в области его душевной жизни, будут регистрировать те вопросы, которые задают дети, и т. д. И весь этот материал, данный наблюдением над детьми, будет тщательно систематизироваться, разрабатываться

ся, обсуждаться и будет положен в основу того планомерного образа действий, который родители и воспитатели «Дома Свободного Ребенка» будут принимать по отношению к детям и все сообща и каждый в отдельности.

Одним словом, тот план действий, та программа, которой будут руководствоваться взрослые члены «Дома Свободного Ребенка», будут базировать на тщательно изученной индивидуальной природе детей, нашедших себе приют в нем.

Родители и воспитатели, на основании этого тщательного психологического изучения индивидуальной природы детей, составят себе подробно разработанную программу того, что они должны будут предоставить в распоряжение детей для наиболее полного развития их духовных сил, а также, считаясь с их интересами, запросами, возникающими у них вопросами, недоумениями, сомнениями, они должны будут наметить ту духовную пищу, которую они будут им предлагать. Но именно только «предлагать», а за детьми сохраняется полное право отвергать эту пищу и искать другую, которую они находят более соответствующей своей душе.

Чем более родители и воспитатели при выборе предлагаемой ими духовной пищи руководились предварительным тщательным изучением индивидуальной природы данных детей, тем более шансов на то, что предлагаемая ими духовная пища не будет отвергнута, а будет охотно принята детьми и ассимилирована ими и поведет к свободному расцвету всех их духовных сил.

Таким образом, мы видим, что родителям и воспитателям остается широкое поле деятельности, только она должна принять совершенно иной характер, чем какой она обыкновенно имеет в семьях и школах; из распоряжающейся и повелевающей она должна сделаться помогающей и предлагающей.

Мы должны сказать еще несколько слов о том, каким образом свободная школа, возникающая в недрах «Дома Свободного Ребенка», будет запасаться необходимым контингентом учителей и в каком положении будет стоять учитель по отношению к школе.

В приглашении учителей будут играть большую роль сами дети.

В качестве более или менее постоянных учителей свободная школа будет приглашать только тех лиц, которых дети полюбили, с которыми они пожелали находиться в постоянном духовном общении.

Первоначально такие лица фигурируют в школе в качестве добровольных или приглашенных посетителей школы, пришедших в нее, чтобы удовлетворить возникший у детей

тот или другой духовный запрос, чтобы ответить на те или другие поставленные ими вопросы. Например, может случиться так, что дети, занимающиеся паянием, заинтересуются процессом горения и зададут вопрос, отчего происходит горение, что такое пламя, отчего при посредстве паяльной трубки можно достигнуть такого сильного жара и т. д. Тогда может быть приглашено в школу такое лицо, обладающее специальными знаниями в области физико-химических наук, которое в форме ли лекции, путем ли живой беседы с детьми, постарается детям ясно и просто объяснить процесс горения, проделает с ними целый ряд опытов, бросающих свет на существо этого процесса, при чем в самых опытах заставит принимать детей возможно более деятельное и активное участие и будет поощрять их к производству самостоятельно задуманных опытов в данном направлении.

Каждое производство, каждое ремесло, которое нашло себе место в «Доме Свободного Ребенка», может послужить толчком для самых разнообразных лекций или бесед, для которых будут являться туда специалисты по тем или другим отраслям знания, при чем эти эпизодические лекции или беседы по тому или другому частному вопросу из той или другой области знания, в конце-концов, пробудят в детях потребность в планомерном изучении тех или других отраслей знания, желание систематически изучить ту или другую науку.

И когда возникнет эта потребность, когда явится это желание, тогда некоторые из случайных посетителей школы станут, вероятно, ее постоянными членами. И, вообще говоря, состав этих случайных посетителей, приходящих в школу делиться своими знаниями, может очень изменяться, и может пройти более или менее продолжительное время, прежде, чем он примет те или другие устойчивые формы.

Тогда, и только тогда школа будет обладать такими учителями, которые работают в ней ради той духовной симпатии, какую они чувствуют к данным детям, ради той духовной связи, которая у них установилась с данными детьми, потому что эти дети им дороги, потому что делиться именно с этими детьми своими знаниями составляет для них наслаждение, глубокую потребность, а не ради того материального вознаграждения, которое они получают за свои уроки.

Это материальное вознаграждение будет для них стоять на втором плане, это будет та печальная необходимость, которой они принуждены подчиниться, живя в капиталистическом обществе, покоящемся на наемном труде, — в обществе, в котором для того, чтобы существовать громадному большинству людей, лишенных всяких материальных средств и обла-

дающих только способностью трудиться на том или другом поприще жизни, приходится продавать свой труд. Это будет, как я сказал, печальная необходимость, потому что учитель должен существовать, хотя бы даже для того, чтобы иметь возможность учить детей, и если он не может получить средств для существования иначе, как в виде платы за свой труд, он волей-неволей должен брать эту плату, но, как бы там ни было, эта плата не должна для него стоять на первом плане, — на первом плане для него должно стоять то святое дело, которое он делает, и ради него он должен быть готов примириться и с меньшей платой, если только он будет иметь возможность делать свое дело лучше и более совершенным образом.

Надо приложить все усилия к тому, чтобы денежные отношения между учителем и школой утратили характер платы за наемный труд. В свободной школе учитель не должен быть наемником, не должен быть рабом, — учитель должен быть свободным человеком.

Если состояние наемного рабочего, как один из видов рабства, является вообще оскорбительным для достоинства человека, как свободного существа, то оно вдвойне является оскорбительным в тех профессиях, которые по существу своему имеют идеальный характер, как профессии писателя, учителя, художника и т. д. Здесь оно имеет еще более деморализующее значение, чем в других отраслях наемного труда.

Но, конечно, и эти профессии перестанут только тогда иметь характер наемного труда, когда вообще наемный труд перестанет существовать на земле, когда осуществится такой строй общества, при котором каждый будет свободно работать по своим силам и способностям для всего общества и будет получать от общества все необходимое для удовлетворения его потребностей.

Несмотря, однако, на это, несмотря на такую тесную зависимость положения лиц отмеченных нами профессий от общей реорганизации всей экономической и общественной жизни на новых началах, надо и при теперешнем капиталистическом состоянии общества прилагать все усилия к тому, чтобы везде, где только представится для этого возможность, лишать оплату этих видов духовного труда того характера коммерческой сделки, который они невольно приобретают.

Свободная школа в той мере, в какой ее удастся осуществить уже в настоящее время, должна стремиться к тому, чтобы освободить учителя, и это будет возможно только тогда, когда она, или, вернее, лица, ее составляющие, лица, забо-

пящиеся о ней, не будут смотреть на учителя, как на наемника.

Учитель, если оказалось, что он действительно то лицо, которое, как бы естественно, в силу духовной связи, создавшейся у него с детьми, предназначено быть учителем в этой школе, входит в нее, как дорогой товарищ общего дела, как свободный работник, чтобы в солидарном союзе с другими участниками школы стараться поставить ее как можно выше и лучше. Его никто не нанимал, с ним никто не договаривался о наемной плате, он сам вошел в тесную дружескую семью членов свободной школы, и как он заботится об этом дорогом для них всех деле, как он вкладывает сюда всю свою душу, так он знает, что и эта семья будет заботиться о нем, чтобы он не голодал, чтобы семейство его было обеспечено, чтобы он мог жить сносной человеческой жизнью. Участники школы сами определяют, сколько они могут или должны давать тому или другому учителю, и при этом будут приняты во внимание все особенности каждого данного индивидуального случая. Здесь будут иметь значение и те средства, которыми располагают родители детей свободной школы, и те особенные условия жизни, в которых находится данный учитель, и т. д.

VII. Демократический характер «Дома Свободного Ребенка» и его общественное и нравственное значение.

Я предчувствую одно сильное возражение, которое мне могут сделать по поводу «Дома Свободного Ребенка». Мне скажут: «Все это прекрасно; нет спора, что подобный идеальный «Дом Свободного Ребенка», этот зародыш истинной свободной школы, выше тех образовательных и воспитательных учреждений, которые обыкновенно устраиваются для детей, но он в том виде, как вы его рисуете, потребует таких громадных затрат, что фактически он может быть доступен только для очень богатых и состоятельных родителей, так что по существу он представляет только аристократическое учреждение, доступное для немногих счастливых, но не доступное для всех».

Вот против этого-то возражения я и буду бороться всеми силами. Все нарисованное мною выше (см. главу II) нарисовано только в виде иллюстрации и нарисовано в том предположении, что данная ассоциация родителей может расходовать на это дело неограниченное количество средств, но основа дела не зависит от количества тех материальных средств, которыми располагают родители, от этого только зависит размер его.

Конечно, было бы в высшей степени желательно, если бы группа людей, родителей и вообще лиц, любящих и уважающих детство и соединившихся вместе для того, чтобы устроить «место свободного ребенка», имели в своем распоряжении такое количество материальных средств, которое позволило бы им для этой цели приобрести клочек земли, целый дом или целый даже ряд отдельных построек и т. д., но не от этого зависит, главным образом, успех дела, и самое дело может начаться даже при самых незначительных средствах.

Я здесь напомню только бессмертные слова Фребеля, сказанные им по поводу школы. «Обилие воздуха в класс-

ных комнатах, — говорит Фребель, — не составляет школы, раз какой-нибудь сквозняк изгнал из нее высшую духовную жизнь, высшее дыхание жизни. Светлые просторные классы — прекрасный драгоценный подарок, и они, конечно, приятны учителю и ученикам и заслуживают их благодарности, но это еще не все». («Воспитание человека», стр. 99).

Так и тут, при устройстве того «места свободного ребенка», о котором мы хлопочем, главная суть не в материальных богатствах, которыми располагают его устроители, а в их духовных богатствах, в их воздушевлении, в их проникновении «идеей свободного ребенка», в том энтузиазме, который они вносят в это дело, в той неумолимой логичности и последовательности, с какой они развивают эту идею до самых ее последних последствий, в той, наконец, непреклонной воле, с какой они сторонятся от всяких компромиссов, которые могли бы погубить, извратить эту идею и тем нанести неизгладимый вред «делу освобождения ребенка». Если в вас есть такой энтузиазм, если в вас есть такая глубокая вера в святое дело освобождения ребенка, смело принимайтесь за него, какими бы ничтожными средствами вы не располагали, и будьте уверены, что вам удастся в полном или частичном размере осуществить великую «Идею Свободного Ребенка».

То свободное воспитательное и образовательное учреждение, тот первичный зародыш, из которого должна развиться «свободная школа», и который мы называли «местом свободного ребенка», может ютиться хотя бы и в лачуге или где-нибудь на чердаке и все-таки быть выше всякого образцово оборудованного учебного заведения, в котором дети находятся в той или другой форме, явной или скрытой, под игом принуждения.

Таким образом, свободная школа, по моему мнению, даже и при капиталистическом строе общества, не есть привилегия денежных аристократов, лиц, располагающих большими материальными средствами, а есть демократическая школа в истинном смысле этого слова, потому что она доступна для всех, какими бы недостатками кто не располагал. Конечно, чем больше средств, тем она лучше может быть обставлена с внешней стороны, но свободный характер ни в какой зависимости от материальных средств не находится, и даже может так случиться, что он будет больше в той школе, которая с внешней материальной стороны обставлена хуже.

«Допустим, что все это так, — скажут мне все-таки те, по мнению которых «Дом Свободного Ребенка» и вырастающая из него свободная школа — при капиталистическом строе общества — являются учреждениями аристократическими, до-

ступными только для немногих счастливых, а не для всех, — допустим, что размер материальных средств не имеет здесь существенного значения, но что имеет здесь действительно существенное значение и что препятствует проектируемому вами свободному, воспитательному и образовательному учреждению быть в полном смысле этого слова демократическим, это — невозможность для народа, для трудящихся классов, для фабричного пролетариата и для крестьянства — там, где капиталистический строй еще господствует, — принять фактическое участие в устройстве подобного рода учреждений. Трудящиеся классы, живущие тяжелым наемным трудом, занятые почти целый день удручающей непосильной работой, лишены необходимого досуга, который позволил бы им приняться за подобное дело, чтобы устроить для своих детей тот «Дом Свободного Ребенка», о котором вы говорите».

Да, это верно, и это факт, с которым надо считаться. Но разве все истинные друзья народа, все, кто принимает близко к сердцу дело духовного и физического возрождения народных масс, не могут пойти в данном отношении ему навстречу. Разве они не могут взять на себя инициативу устройства для народа подобных «Домов Свободного Ребенка», или, еще лучше, разве в те учреждения, которые они создадут для своих детей, не могут найти себе широкий доступ и дети фабричного пролетария и дети крестьянина, хотя бы родители их и лишены были возможности принимать то деятельное и активное участие, которое могут принимать в них родители детей, поставленных в более благоприятные условия.

«Дом Свободного Ребенка» в том случае, если он создается в капиталистическом и сословном обществе, должен быть местом для детей всех классов, сословий, состояний; в нем одинаково должны находить себе доступ и дети капиталиста, и дети пролетария, и дети какого-нибудь сановника, и дети швейцара.

И чем шире будет открыт в этот дом доступ пролетариям, детям трудящихся классов, тем более выиграют от этого и дети тех более состоятельных классов, которые там найдут себе место. Пролетарские дети внесут туда ту здоровую атмосферу серьезного отношения к труду, которой в большинстве случаев не достает детям более состоятельных классов, и даже более того — атмосферу серьезного отношения к людям и жизни вообще.

Но было бы ошибочно думать, будто бы родители этих детей были лишены возможности принимать активное участие и в создании «Дома Свободного Ребенка», и в тех трудах.

которые будут направлены на поддержание и на развитие этого учреждения.

Крестьянин или фабричный рабочий, нет сомнения, даже более, чем человек состоятельных классов, в состоянии воспринять всю глубину и широту этой идеи «Свободного Детства» и понять все то значение, которое может иметь трудовое начало, производительный труд, в деле воспитания и образования. И он будет более на страже неуклонного осуществления этой идеи и принципа свободного труда, чем человек, пользующийся привилегированным положением в жизни и, благодаря этому, запутавшийся в тине разных условностей, разных житейских софизмов и самых невозможных и возмутительных жизненных противоречий.

Правда, он не может отдать на это дело много своего времени. Но в праздник или в воскресенье он свободен, и он может быть дорогим, желанным гостем в «Доме Свободного Ребенка», и он может принять живое участие в жизни этого дома в эти дни, в тех собраниях, беседах, совещаниях, общих занятиях, которые будут происходить в нем, и в эти хотя бы короткие промежутки времени, хотя бы и раз в неделю, он может внести столько нового, столько ценного, может помочь распутать столько затруднений, над которыми тщетно и безуспешно работали постоянные члены «Дома Свободного Ребенка»; может дать, наконец, толчок к каким-либо новым начинаниям для дальнейшего развития этого дела.

Все то, что внесет сюда народное творчество, весь тот ценный вклад, который здесь может вложить человек труда—крестьянин и пролетарий,—его трудно измерить, но несомненно, что этот вклад будет громаден, и несомненно еще и то, что чем в большей степени будут привлечены к активному участию в деле создания тех свободных образовательных и воспитательных учреждений, о которых я говорю, рабочие массы, тем лучше и выше будут эти учреждения, тем полнее в них будет осуществлен принцип грудного начала и тем более прочным и устойчивым образом будет в них поставлено дело свободного духовного и физического развития детей.

Если народ в странах, где господствует капиталистический строй общества, в настоящее время в силу экономических условий и лишен возможности принять то полное активное участие, которое было бы желательно, чтобы он принял в этом деле, то все же он может принять в нем хотя бы и не полное и ограниченное участие, и истинные друзья народа, поставленные в более благоприятные эко-

номические условия, должны приложить все свои усилия для того, чтобы привлечь его к этому участию и чтобы создать и для детей трудящихся масс и для своих детей свободные воспитательные и образовательные учреждения.

В числе других средств такие учреждения могли бы сыграть не последнюю роль, чтобы облегчить переход от старого социального строя капиталистического хозяйства и наемного труда к новому социальному строю свободного труда, где никто не будет эксплуатировать другого в экономическом отношении, чтобы смягчить те муки родов, чтобы избежать, если возможно, тех страшных потрясений, которыми обыкновенно сопровождается переход от одного социального строя к другому. Они могли бы содействовать более мирному, менее кровавому и менее насильственному разрешению социального вопроса. И все те, кто хочет спасти человечество от пролития излишней крови, должны приложить все свои старания, чтобы создать и в возможно более широких размерах, те свободные демократические воспитательные и образовательные учреждения, где найдут себе приют дети всех общественных классов и положений без различия, т.-е. «Дома Свободного Ребенка», как я назвал их для краткости.

Но социальное значение подобных учреждений, как «Дом Свободного Ребенка», далеко не исчерпывается выше отмеченным. Оно громадно, и я позволю себе остановиться еще на одной стороне, имеющей, по моему мнению, особенно важное значение.

«Дом Свободного Ребенка», вместе с свободно создающейся внутри него путем совместной творческой работы детей, родителей и тех истинных педагогов, которых я охарактеризовал выше, свободной школой, есть также образовательное учреждение, которое высшую свою цель видит в освобождении ребенка, в воспитании из него свободного человека, т.-е. человека, умеющего стоять на своих собственных ногах, имеющего свою волю и ум, могущего сказать гордое «я так хочу» и «я так думаю», несмотря на то, что решение его воли и его мысль стоят в резком противоречии с тем, что хочет большинство, что хотят те, в чьих руках сила, власть, могущество.

«Дом Свободного Ребенка» не может создать такого человека, который был бы свободен от цепей экономического, политического и вообще внешнего рабства. Это вне пределов его власти, для этого требуется реорганизация всего общественного строя на совершенно новых началах и это не входит в его задачу. Но «Дом Свободного Ребенка» и вообще новая свободная школа должны поставить своею

задачею освобождение человека от цепей духовного рабства, от тех невидимых тонких цепей, которыми опутывает душу человека с самого дня его рождения ложное насильственное воспитание, получаемое ребенком в семье, и несвободная школа.

«Цепи невидимого рабства» и способность безропотно носить их всю жизнь—вот, что создает современное насильственное воспитание и насильственная школа. Сколько благодаря им выходит в жизнь людей, которых мы считаем свободными и которые, между тем, являются в духовном смысле рабами и гремят в цепях невидимого рабства.

Это все те люди, которые отказываются от своей настоящей воли, определяющейся всем самобытным природным складом их души, и подставляют вместо этой своей воли, волю какого-нибудь другого, будет ли это воля определенного лица, отца, матери, учителя, начальника, или это будет воля мыслителя, писателя, вычитанная из книги или статьи, или это будет воля того анонимного существа, которое зовется толпой, общественным мнением, классом, сословием, сектой, партией. Во всех этих случаях, как бы они ни различались по своему характеру, такой человек является рабом в духовном смысле ¹⁾. И такими рабами кишит мир.

У нас есть толпа, есть классы, есть партии, но нет личностей или очень мало их. А без личностей, свободных в духовном смысле, видящих все вещи своими собственными глазами, думающих своим умом, имеющих свои собственные, созданные самостоятельной творческой работой своей мысли идеалы и являющихся в своей деятельности исполнителями своей собственной воли, без таких творческих личностей никакое общественное движение не может быть прочно и не может принести надлежащие плоды.

И нам, русским, особенно надлежит об этом подумать теперь, когда мы переживаем эпоху освободительного движения. Это освободительное движение для строительства всей русской жизни на новых началах потребует массы работников, тех людей свободных духом, сбросивших с себя всякие цепи невидимого рабства и отважно ринувшихся вперед за поисками новой правды, новой справедливости, новых форм общественной жизни.

Таких людей нам могут дать только такие воспитательные и образовательные учреждения, как «Дом Свободного Ребенка». Не будем же называть их только волшебными

¹⁾ См. мою брошюру „Цепи невидимого рабства“.

снами, а приложим лучше все свои усилия к тому, чтобы эти волшебные сны стали реальной действительностью.

В детях—будущее человечество, позаботимся же об них по настоящему, освободим, действительно, их развитие от всяких ненужных пут, сделаем их свободными, и тогда это будущее наступит гораздо скорее, чем мы могли об этом мечтать. Свободный ребенок станет свободным юношей, а затем свободным взрослым человеком и будет работать, не покладая рук, над тем, чтобы земля скорее стала радостным и прекрасным жилищем свободного человечества, которое сбросило бы с себя не только все цепи внешнего рабства, т.-е. стало свободным в экономическом, правовом, политическом отношениях, но и те цепи невидимого духовного рабства, которые носит почти каждый из нас, не подозревая даже, порою, об их существовании.

В этом заключается главное основное значение свободного воспитания и образования для жизни человечества, получающего в «Доме Свободного Ребенка» свою конкретную форму, и оно так громадно, что стоит поработать над тем, чтобы «Дом Свободного Ребенка» скорее получил свое осуществление и чтобы из учреждения, в котором первоначально найдут приют только немногие дети, он стал бы таким учреждением, которое было бы открыто и доступно для всех детей.

В создании таких учреждений, как «Дом Свободного Ребенка», естественным продолжением к которому служит «Дом Свободного Юношества», долженствующий заменить собою современные университеты и вообще высшие школы, я и вижу те истинные цели, которыми следует задаваться в области народного образования.

Только этим путем мы и будем содействовать насаждению в народе истинного просвещения, но, отнюдь, не тем, который главную свою задачу видит в распространении грамотности и основное, первостепенное значение придает чисто книжному, словесному образованию.

Не школы грамотности, не гимназии, как бы мы ни усовершенствовали их, нужны народу,—ему нужны такие учреждения, через которые он получал бы доступ к самым первоначальным, к самым настоящим, к самым основным источникам образования, ему нужна та свободная школа, которую я пытался охарактеризовать выше, и те дома свободного ребенка и свободного юношества, в недрах которых только и может зародиться подобная школа.

В этих учреждениях найдет себе доступ и взрослое население, помогая тому, чтобы они были поставлены как

можно лучше в смысле содействия свободному гармоническому развитию молодого поколения, и в этих учреждениях оно будет черпать силу, поддержку и находить все возможности для своего дальнейшего беспредельного созерщования. Под сенью этих учреждений соберутся люди всех возрастов—от маленьких детей до седых стариков, чтобы взаимно помогать друг другу становиться выше, чище и лучше во всех отношениях.

«Новая школа,—как говорит Эльсландер в своем последнем труде «L'école Nouvelle»,—предназначается не только для детей; она будет стягивать к себе жизнь отовсюду, с целью содействовать ее непрерывному улучшению и обновлению. Мы увидим там матерей, гуляющих со своими крошками в тени деревьев ее парка; увидим юношей, женщин, мужчин, стариков, ищущих совета и поддержки в их столкновениях с житейскими затруднениями и ознакомляющихся с прогрессивным ходом труда и мысли; мы увидим окрестных жителей, сходящихся туда по вечерам, чтобы побеседовать и отдохнуть от трудов; увидим залы, переполненные народом, собравшимся на празднество или собеседование, а в мастерских и лабораториях, покинутых после работы в них детьми,—работников ручного и умственного труда, совершенствующимся каждый в своем деле или занятым сообща каким-нибудь изысканием»¹⁾.

Когда слова бельгийского писателя сбудутся, тогда школа, действительно, станет центром духовной жизни народа, соберет туда все то лучшее, что только создано народом и человечеством, для того, чтобы это лучшее было доступно каждому и чтобы каждый мог находить в нем опору и живой источник для своего дальнейшего развития.

Такая школа будет содействовать тому, чтобы каждый ребенок становился личностью и ярко выраженной индивидуальностью, пролагателем новых путей и смелым творцом новых форм жизни, и будет впоследствии помогать ему быть личностью и мужественно бороться за свою индивидуальность против всех тех обезличивающих и нивелирующих влияний, которые все еще пока обнаруживаются в общественной жизни.

Такая школа будет содействовать и скорейшему осуществлению того «Нового Общества», которое будет соединять в себе с наибольшей солидарностью, с наибольшим развитием братских чувств и братских действий среди своих

¹⁾ J. F. Elslander. L'école nouvelle. Esquisse d'une éducation basée sur les lois de l'évolution humaine. Стр. 257, 268.

членов наибольшую свободу, наибольшую независимость, самостоятельность и самобытность каждого из них.

Таков идеал, к которому мы должны стремиться в области свободной школы. Трудно сказать, скоро ли мы его достигнем и в какой степени будут приближаться к нему те первые слабые и неуверенные попытки, которые будут сделаны в этом направлении. Но пионерам в этой области мы должны напомнить об одном: их попытки тем в большей степени увенчаются успехом и дадут тем более плодотворные результаты, чем в большей степени эти первые строители свободной школы составят одну тесную дружную семью. А такую тесную семью, такое солидарное целое, они составят только тогда, когда их связь не ограничивается одними пределами самой школы, при чем за ее пределами они остаются чуждыми друг другу, изолированными единицами, из которых каждая живет в своей замкнутой клеточке, при чем ей нет никакого дела до остальных.

Нет, только при условии, что тесная, интимная связь будет продолжаться и за пределами школы, при условии, что она будет охватывать все стороны жизни членов школы, при условии, что она будет стремиться принять все более и более характер нравственной связи, — только при этом условии и та связь, которая соединяет участников школы в их специальном деле, будет наиболее тесной, могучей и школа будет обладать наибольшей прочностью, будет развиваться в надлежащем направлении и даст наиболее блестящие результаты в смысле свободного духовного развития своих воспитанников.

И родители, и учителя не должны ограничивать свои задачи только одним стремлением создать для своих детей и воспитанников свободную школу. Эта последняя задача должна входить для них, как составной элемент, в задачу более широкую, которая охватывает всю их жизнь и даже более того, жизнь того общества, в котором они живут и которая имеет своим предметом переустройство и своей личной и своей семейной и общественной жизни на началах правды, истины и справедливости.

Свободная школа и освобождение ребенка должны являться для них составной частью цели более широкой и объемлющей, цели *освобождения всей жизни вообще* от давящих ее всюду и со всех сторон пут и цепей, мешающих ей свободно и непринужденно развертываться и становиться все более и более великой, благородной и совершенной. Родители и учителя должны стараться создать тот «город солнца, любви и свободы», в котором каждый человек являлся

бы источником света, светочем и освободителем всех других, в котором не было бы ни рабовладельцев, ни рабов, ни угнетателей, ни угнетаемых, а были одни только свободные люди, соединенные узами любви и дружбы в одну тесную братскую семью.

Но это—утопия, скажут нам, но это—несбыточная мечта... Пускай это—утопия, пускай это—мечта! Попытаемся все-таки ее осуществить!

И чем более она будет воодушевлять нас при наших стремлениях создать для наших детей свободную школу, тем пышнее развернется и сама та свободная школа, которую мы создадим.

Но, если мы даже и будем первоначально противиться этой утопии, мы все-таки, в конце-концов, неизбежно, опытом самой жизни школы, будем приведены к ней: нас приведут к ней наши *свободные дети*, и они увлекут нас к совместным с ними поискам этой еще не открытой, этой еще не найденной светлой *страны солнца, любви и свободы*. Так не будем дожидаться этого и пойдем сами в эту светлую страну и постараемся создать те этапы, которые облегчат нам и всем людям победоносное шествие к ней и одним из которых является свободная школа и та братская община родителей, учителей, детей, которая группируется около нее и которая старается не только в школе, но и в своей жизни осуществить начала правды и справедливости.

Этот этап к *городу солнца*, эту свободную школу, родители, никто не может создать для ваших детей, кроме вас самих; не ждите ее со стороны и свыше... Вы должны ее взять и завоевать вашими собственными усилиями! Объединяйтесь, организуйтесь для этой цели, образуйте кружки и союзы, вдохновитесь любовью к вашим детям, воодушевитесь великой идеей *свободного детства* и тогда нет сомнения в том, что вам удастся, наконец, увидеть и действительно, в настоящем смысле этого слова, *свободную школу!*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>стр.</i>
Предисловие ко 2-му изданию	3
" " 3-му "	5
I. Новый метод создания свободной школы	7
II. Что такое «Дом Свободного Ребенка»? Творческое участие детей в его создании	14
III. Принципы, положенные в основу «Дома Свободного Ребенка» в противоположность принципам современной школы	19
IV. Роль производительного труда в «Доме Свободного Ребенка»	22
V. Образование в «Доме Свободного Ребенка»	29
VI. Педагог будущего. Роль родителей, воспитателей и учителей в «Доме Свободного Ребенка»	39
VII. Демократический характер «Дома Свободного Ребенка» и его общественное и нравственное значение	49
